

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 19

1982

Виктор ХОХЛОВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

НАЧАЛО ДНЯ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 19

Виктор ХОХЛОВ

НАЧАЛО ДНЯ

ОЧЕРКИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1982

Виктор ХОХЛОВ

Виктор Константинович Хохлов родился в 1922 году в Костроме.

Великая Отечественная война застала его в Белоруссии, где он проходил действительную военную службу. В качестве военного радиста участвовал в боях на Западном и 1-м Белорусском фронтах. Имеет несколько правительственных наград.

Демобилизовался в 1947 году. Стал журналистом. Работал в Костроме — в редакции радиовещания, в районной и областной газетах. Последние двадцать с лишним лет работает в газете «Сельская жизнь».

В разное время В. К. Хохлов издал несколько книжек очерков, фельетонов, рассказов: «Комбайнеры», «Обратите внимание», «Аннушка», «Наследники», «Возле моря Костромского», «Рядовые России», «Весенние ветры» и другие.

В. К. Хохлов — член Союза писателей СССР, заслуженный работник культуры РСФСР.

ОТ АВТОРА

Чувство Родины приходит к людям по-разному. Мне и моим сверстникам открылось оно в детском стремлении к путешествиям и познанию «тайн», которые нас окружали.

Было это в начале тридцатых годов, в славном городе Костроме. Все мы, мальчишки из нашего и соседних дворов, прямо-таки грезили странствиями. Вообще-то увлечений у нас было много, но мечта о путешествиях жила годами, воплощаясь в весьма конкретные, порой близкие к романтическим поступки. Отправлялись в походы, поначалу недалекие, причем никогда не возникало необходимости кого-либо уговаривать и организаторов не было никаких. Скажем, кому-то приходило на ум пройти вокруг города — полями, лесами, речками, увидеть места, которые не видели до тех пор. Это предложение тотчас принималось «на ура» и на другой же день претворялось в жизнь. Брали с собой хлеба, луку, наливали воды в бутылки и спозаранку отправлялись в путь. Дорога, конечно, оказывалась намного длиннее и тяжелей, чем предполагал каждый из нас, а воды и пищи хватало лишь до половины похода, но радости открытий не могло омрачить ничто. Старшие мужественно подбадривали уставших малышей; тем, кто по бедности или легкомыслию отправился в дальнюю дорогу босиком, благородно отдавали свою обувь более выносливые; вовсе ослабевших по очереди несли на спине.

Путешествие заканчивалось там, где река Костромка впадает в Волгу, напротив Ипатьевского монастыря. Изнуренные жарой, покрытые с ног до головы пылью, мы, еще издали завидев синюю полоску воды, вмиг забывали обо всем. На ходу сбрасывая с себя одежку, радостно вопя, летели к реке, с разбегу бухались в воду, и не было на свете людей счастливее нас.

Проходило несколько дней, и новая идея осеняла чью-нибудь головушку: например, отправиться километров за десять вдоль берега Волги, с рыбалкой и экзотическим ночлегом у костра, на пустынном берегу, или добраться пешим порядком до Святого озера, где в 1264 году костромские ополченцы наголову разбили татарскую рать, или дойти до села Спас-Вежи, где жили потомки некрасовского деда Мазая...

Впрочем, такой «анархизм» в организации походов продолжался сравнительно недолго. Как-то вербовщики из пригородного колхоза

пригласили нас поработать на овощных плантациях. Дело было нехитрое — прополка морковных гряд, — и мы согласились без раздумий. А через несколько дней на заработанные деньги купили давно уже прismoтpeнный в книжном магазине большой географический атлас нашей области. В двух внушительных альбомах были сведены подробнейшие карты всех районов — физические, административные, исторические, почвенные, полезные ископаемых и прочие, а также всевозможные таблицы, справки о расстояниях между населенными пунктами, о водных, лесных, энергетических и других ресурсах.

Мы просиживали над альбомами целыми днями, изучая карты, разрабатывая маршруты ближайших походов. И все-таки это еще были цветочки, так сказать, программа-минимум. Замыслы о путешествиях настоящих, в далекие неизведанные края все больше одолевали нас.

Откуда они явились, эти романтические мечтания, кто их навеял? Наверное, Волга, великая и прекрасная наша река. А кто же еще? Мы проводили на Волге все дни, знали и любили ее в какую угодно погоду, не могли без нее жить. Каждый год с приближением весны, словно большого, необыкновенного праздника, ждали мы ледохода, а когда свежий мартовский ветер доносил однажды из затона первый пароходный гудок, сердца наши томительно замирали от сладостных предчувствий. Ах, эти пароходные гудки! Они постоянно сопутствовали нашему детству, тревожили, радовали, возбуждали большие стремления, звали за собой. Муза дальних странствий манила нас...

В те годы стремление к путешествиям у мальчишек развито было необычайно, я бы даже сказал, путешествовать было «модно». Куда только не удирали: на Северный полюс, в Африку, на Дальний Восток, в Антарктиду. Проснутся утром родители, а на столе записка: «Меня не ищите, я уехал...» Мы вовсе не собирались отправляться в далекое странствие таким примитивным способом. Надо было все хорошенько обдумать, подготовиться, а главное, обставить как следует. В этом смысле нам особенно импонировала изобретательность Тома Сойера, который к любому делу находил интересный подход.

Для начала решено было... проложить тоннель. Из дровяного сарая, в котором мы обсуждали и решали все важные дела и который именовался не иначе как «штабом», в соседний заглохший и давно уже заброшенный хозяевами сад. Замысел был предельно прост: вырыв подземный ход и обстоятельно подготовившись к побегу, мы с утра закрываемся в штабе, и взрослые не вспоминают о нас до обеда, а то и до вечера. Дальше все ясно: через тоннель пробираемся в сад, дворами выходим на соседнюю улицу, а там — вольные птицы.

Подземный ход был великой тайной. К рытью его допускались не все. Чтобы получить на это право, надо было пройти испытания на физическую выносливость — двадцать раз выжать довольно увеси-

стый камень — и дать клятву о молчании. Копали по очереди, землю из сарая выносили в потемках, чтобы не вызвать ни у кого ни малейших подозрений. Примерно через месяц после начала тоннель был готов почти наполовину: мы уже забирались в него и сидели там с огарком свечи, томясь от безотчетного страха. Обратно, на свет божий, вылезали закоптевшие, измазанные глиной и крайне довольные собой.

Строительство подземки окончилось неожиданно и скандально. Жарким июльским днем к одним из наших соседей приехал на телеге родственник из деревни. Вместо того чтобы привязать лошадь у ворот, как делалось всегда, он зачем-то надумал отвести ее за сарай. И произошла авария: Сивка провалилась в наше «метро». Хозяин, решив, что это какая-нибудь старая могила, поднял дикий крик. Сбежался народ, начались суды-пересуды, и нам едва удалось избежать суровой расплаты. С подземкой, разумеется, было покончено. Хорошо еще, что во время происшествия там не оказалось ни одного землекопа.

Мы приуныли: генеральный план бегства, с такой тщательностью обдуманный и разработанный во всех деталях, треснул и развалился. Кажется, не пал духом один лишь мой брат. Махнув на все рукой, он решил отправиться в путешествие самым заурядным способом: в одно прекрасное утро встал пораньше, пока еще все в доме спали, начертал на тетрадном листке обычное «меня не ищите, я уехал» и отбыл в неизвестном направлении. Его поймали через час на пути к вокзалу, и дело закончилось элементарной поркой...

Теперь мы с улыбкой вспоминаем все эти похожие на бесконечную увлекательную игру походы, приключения, планы дальних путешествий, большие мечты. Они не прошли бесследно. В каждом из нас на всю жизнь осталась беспокойная и сладостная тяга к познанию новых мест.

Но в какие благословенные края ни привели бы меня пути-дороги, по-прежнему зовет и зовет к себе родина — Костромская земля. Нет желанней и краше ее, и хоть бываю там часто, все кажется, чего-то еще не увидел, не узнал, с кем-то не встретился. И, как в детстве, всюду грезятся чудесные тайны. Поэтому каждый раз, когда сажусь я в костромской поезд, сердце начинает молодо биться в предчувствии новых открытий и неожиданных встреч.

ТРИ СТОПКИ СОЛИ

Из-за сильного снегопада вылет задержался на несколько часов. Я уже решил, что не попаду нынче в Солигалич, придется откладывать поездку до лучших времен, однако в середине дня метель как-то сразу,

словно по команде сверху, улеглась, солнце окатило весь мир, и самолеты «Ан-2» один за другим стали бабочками вспархивать в голубое небо.

Мы летели на небольшой высоте. В иллюминатор отчетливо видны были деревни, перелески, дороги с бегущими по ним машинами, тропинки, телеграфные столбы. Чем дальше на север, тем чаще поля перемежались лесными массивами и, наконец, потянулись сплошные заснеженные леса.

— Вот он, и Солигаличский район начался,— промолвил, ни к кому не обращаясь, благообразный старик в полушубке и почему-то вздохнул: — Эх-ма, больше половины земли под лесом...

— А там, видно, речка петляет,— радостно сообщила круглолицая, румяная женщина, с детским любопытством неотрывно смотревшая вниз.— Это Костромка, да?

Старик, однако, промолчал. Ответил за него молодой человек, мой сосед:

— Нет, Костромка левей, это, наверное, Шача. Здесь много рек: Большая Езаны, Шугома, Святица, Сельма, Тутка...

— И текут все в разные стороны,— засмеялся кудрявый парень, на коленях которого лежал небольшой этюдник.

— Как же это? — усомнилась женщина.

— Очень просто,— сказал сосед — по району проходит водораздел, поэтому одни реки текут на север, а другие на юг.

— Надо же как!

— А у нас вообще много необычного. Когда-то, давным-давно, конечно, территория района была дном моря, а теперь, наоборот, возвысилась над всеми соседними землями. Село Раменье, например, считается высшей точкой области...

Молодой человек продолжал рассказывать, я тоже невольно заслушался. У него было приятное худощавое лицо с умными и очень живыми, даже озорноватыми глазами. По одежде он мало походил на северянина-провинциала: легкое полупальто, яркий шарф, из-под которого выглядывала модная сорочка с голубым галстуком, скорее делали его похожим на командировочного из столицы, нежели на коренного жителя этих мест. И все-таки я спросил:

— Вы, очевидно, родились в Солигаличе?

Сосед живо обернулся ко мне:

— Выговор, да? Ну, конечно! Не зря сказано: с кем поведешься... Нет, я воронежский. Там родился, там и учился. Сюда почти случайно после института залетел. Да вот и живу...

— Учитель?

— Опять же не угадали. Сначала был землемером, теперь — мелиоратор.

Так познакомился я с начальником солигаличской передвижной механизированной колонны (ПМК-13) Анатолием Дмитриевичем

Бочарниковым, человеком во многих отношениях примечательным и интересным. Об успехах солигаличских мелиораторов мне доводилось слышать не раз, и о Бочарникове тоже.

Мехколонну он принял в 1975 году, причем, как мне рассказывали, без всякого энтузиазма: дисциплина в коллективе была расшатана, людей не хватало, техники — тоже. До той поры работал Анатолий Дмитриевич землеустроителем, дело свое любил и никуда не собирался переходить. А к тому же искренне сомневался, что предлагаемая должность окажется ему по плечу. Но у райкома партии на этот счет было иное мнение.

«Парень ты молодой, энергичный, район и людей знаешь, — мягко и в то же время настойчиво убеждал его первый секретарь райкома Иван Евгеньевич Щиплецов, — кому же, как не тебе, доверить такое большое дело. А кадрами комсомол подсобит. Если хочешь, вместе в школу пойдем, поговорим с десятиклассниками, убедим — замечательная опора будет!»

И верно, ходили в школу не раз и не два, устраивали в классах диспуты о выборе профессии, а после приглашали ребят к себе в мехколонну — возили на объекты, разрешали «порулить», дружески беседовали за чашкой чая. В результате на следующий год пятнадцать выпускников изъявили желание пойти работать в ПМК: четырнадцать парней и Наташа Залетова — веселая, красивая, смелая девушка.

Повезло тогда с погодой — июль выдался жарким, сухим, работы велись в живописной пойме реки Костромы, и молодежь чувствовала себя великолепно. Все у них ладилось: новая техника действовала безотказно, выработка изо дня в день росла. В обеденный перерыв собирались все вместе, где-нибудь под раскидистыми деревьями, купались в речке, пели песни, говорили о будущем. И как-то так получилось, что Наташа стала у них главным заводилой — в работе, в организации походного быта и отдыха, в песнях, во всем. Ее единодушно избрали секретарем комсомольской организации, а спустя несколько месяцев послали делегатом на Всесоюзный съезд ВЛКСМ.

Слава о солигаличской ПМК к тому времени уже далеко за пределы района шагнула. Как победителю в областном, а затем и всесоюзном соревновании мехколонн коллективу ее были вручены переходящие знамена.

Обо всем этом я знал по рассказам и по статьям областной газеты и собирался непременно побывать у мелиораторов. Жаль только, что сегодняшний день пропал: если б не задержка в аэропорту, давно бы ходили мы по солигаличской земле, которая была когда-то дном морским, а теперь над всей округой возвышалась.

Между тем выяснилось, что предстоит еще одна небольшая задержка — самолет должен совершить посадку в совхозе «Жилинский».

— Из Жилина есть кто-нибудь? — звонко спросил, обернувшись, пилот. Дверца его кабины была открыта, и летчик, будто шофер старого автобуса, общался с пассажирами запросто, как на земле. — Есть, батюшка, есть! — живо отозвалась из дальнего конца салона старушка, до самых глаз закутанная в серую шаль.

Самолет, будто лыжник с трамплина, плюхнулся в снег, взметнул вокруг себя настоящий буран и, пробежав несколько десятков метров, замер возле околицы. Бабушке помогли выйти, а летчик, отодвинув стекло, сердито крикнул кому-то на улицу:

— Быстрее, быстрее, и так опаздываем!

— Надо же, — опять удивленно покачала головой круглолицая женщина, — как на такси: где прикажешь, там и сядет.

— У нас еще в Совеге посадочная площадка есть, — похвастался кудрявый парень.

В самолет поднялись двое — высокий пожилой мужчина и девушка, должно быть, отец и дочь. Девушка, сияющая, румяная с мороза, окинула быстрым взглядом салон, узнала парня с этюдником и, шагнув к нему, по-свойски велела потесниться. Они обменялись «приветами», принялись болтать о разных пустяках, а потом девушка спросила:

— Ну, что слышно из Парижа?

Мне подумалось сначала, что это какая-нибудь шутка, однако парень совершенно серьезно ответил:

— По слухам, успех полный, особенно у картин Ефима Честнякова и наших. Видел французские афиши — ба-альшие, с цветными репродукциями... вообще шикарно.

Я догадался, что молодые люди говорили о парижской выставке старинной русской живописи, об успехе которой уже сообщалось в газетах. Часть этой выставки составляло одно из интереснейших открытий последнего времени — собрание портретов солигаличского художника Григория Островского. Решив, что юноша тоже художник, я обратился к нему с расспросами, но тот лишь рассмеялся, назвал себя профаном и посоветовал встретиться с человеком, который имеет ко всему этому самое прямое отношение и вообще досконально знает всю историю солигаличской земли. Звать его Лев Михайлович Белоруссов, живет он «почти со дня основания Солигалича» в таком-то доме на набережной реки...

Солигалич встретил нас белой тишиной. Выйдя из самолета, пассажиры гуськом, по узкой тропинке, протоптанной в глубоком снегу, потянулись в город. Малолюдными улочками и переулками, мимо приземистых домиков и дощатых заборов мы вышли на центральную площадь.

— Вот и прибыли! — промолвил Бочарников, глубоко и весело вздохнув. Глаза моего спутника лучились, и весь он имел вид

человека, который вернулся домой после долгой разлуки. Похоже было, что его радовала встреча с улицами, деревьями, знакомыми людьми, приятен, кажется, был сам воздух — морозный, чистый, пахнущий снегом и березовым дымком.

И мне захотелось обойти весь город, всю эту древнюю землю, проникнуть в самые потаенные уголки, рассмотреть то, что увидел и полюбил здесь этот жизнерадостный степняк, для которого лесная солигаличская сторона стала второй родиной. Я расспросил Бочарникова, как добраться до гостиницы, и условился с ним о встрече на следующий день. Однако, оставшись один, не спешил уходить...

Двухэтажные каменные здания, Дом культуры, старые торговые ряды, высокие колокольни вдали освещены были последними лучами заходящего солнца, над заиндеветыми березами кружила стая ворон. Площадь казалась покатой, синие сумерки словно бы подкрадывались сюда из верхних улиц, медленно и незаметно заполняя дворы, закоулки, предвещая скорое наступление темноты.

Подумалось вдруг, что когда-то прибегал на эту торговую площадь из недалекого села Гнездникова сын волостного писаря Иван Сытин. Шмыгал, наверно, по тем вон рядам, замирал возле какой-нибудь книжной лавочки, зажав в кулаке пятак... Спустя годы с великим изумлением узнали солигаличане, что стал Иван Дмитриевич Сытин крупнейшим книгоиздателем и что выпускаемые им книги русских писателей были неслыханно дешевы, их мог купить каждый... А из села Дракино, должно быть, наведывался сюда Геннадий Иванович Невельской, будущий «русский Колумб», выдающийся исследователь Дальнего Востока. Стоя в задумчивости где-нибудь там, на берегу реки Костромы, мечтал он о дальних плаваниях по морям и океанам. Я вспомнил, что в краеведческом музее хранится модель транспорта «Байкал», на котором Геннадий Иванович совершил переход из Кронштадта в Петропавловск-на-Камчатке, провел исследования в Татарском проливе и доказал, что Сахалин — остров. Эту модель в память о своем знаменитом земляке с большим искусством построили ребята из Лосевской восьмилетней школы...

Там же, в музее, почти рядом с «Байкалом» приткнулся старенький клавесин. Говорят, что на нем любил музицировать Александр Порфирьевич Бородин, великий русский композитор. Правда, тогда он еще не был композитором, а приезжал сюда как ученый-химик, чтобы определить ценность минеральных вод. Впоследствии его материалы и выводы были опубликованы в газете «Московские ведомости», затем изданы отдельной брошюрой, послужив основанием к открытию бальнеологического курорта, который носит теперь имя А. П. Бородина. Территория курорта расположена в самом городе, совсем рядом, и мне пришлось в голову, что, наверное, не поздно было бы туда сходить. Через полчаса, оставив вещи в гостинице и расспросив администратора, как пройти к санаторию, я отправился в путь.

Густые сумерки стерли очертания домов. Лишь какие-то деревянные башни без окон древними сторожевыми вышками маячили на фоне темного неба. Не то старые варницы, не то градирни. Они напоминали об истории города, тесно связанной с появлением здесь в далеком прошлом соляного промысла. Читал я где-то, что впервые о нем упомянуто было в духовном завещании московского князя Ивана Калиты. Поселок на промысле вместе с монастырем получил название Солей Галицких, так как находился на территории Галицкого княжества. Долгое время он считался посадом, приписанным к городу Галичу. Позднее из-за необходимости отражать опустошительные набеги ветлужских и вятских черемисов вокруг монастыря и поселка построили острог, и стал посад городом, на гербе которого изображены были три стопки соли.

Соляными колодцами и варницами владели московские князья, бояре, монастыри, богатые торговые люди. Варница представляла собою бревенчатый, покрытый тесом, четырехстенный сарай с одной дверью и квадратным отверстием в крыше вместо трубы. В центре зияла выложенная камнем печная яма, а над нею подвешивался квадратный железный ящик—црен, в котором кипятили рассол. «Варя» — кипячение рассола — продолжалась более суток. Примитивная технология, варварский, изнурительный труд. Между тем именно благодаря солеварению город быстро развивался, рос, богател. В семнадцатом веке здесь были построены прекрасные памятники русского зодчества: Рождественский собор, два Воскресенских храма, Никольская церковь с шатровой колокольней и другие сооружения. Однако уже в следующем столетии промысел стал постепенно приходить в упадок, так как на рынке появилась более дешевая самосадочная соль, а после пожара, когда соляные колодцы были засыпаны, он и вовсе сошел на нет.

Но обитателей Солигаличской земли, кажется, совсем не устраивало смиренное пребывание в безвестности. Стоило пойти на убыль традиционному промыслу, как началась усиленная разработка известняка, которым весьма богаты здешние земли. Строительный материал отправлялся по малым рекам в разные города страны, возвращая Солигаличу доходы и славу.

Между прочим, этот промысел здравствует и поныне. Разумеется, на новой, современной основе. Почти все процессы производства механизированы, в карьерах работают мощные экскаваторы, КРАЗы; комбинат отправляет продукцию на силикатные заводы, снабжает известковой мукой колхозы и совхозы своей и соседних областей.

Впрочем, и здешней соли еще предстояло сыграть свою роль в истории города.

Земли с засыпанными соляными колодцами правительство отдало купцам Кокоревым для возобновления производства. Во время бурения одной скважины в слое красного песчаника был обнаружен

минеральный источник: из глубины забил фонтан соленой воды. Проходили дни, а фонтан не иссякал — на поверхность равномерно выливалось около двух с половиной тысяч ведер воды в час. Местные жители стали пользоваться ею для лечения болезней, а предприимчивый купец открыл даже примитивное лечебное заведение. Спустя некоторое время он обратился в Военно-медицинский ученый совет с просьбой прислать специалиста, чтобы провести химическое исследование минеральных вод. Вот тогда-то и приехал в Солигалич доктор наук А. П. Бородин. Было это в 1858 году. Последствием его работы явилось то, что водолечебницу расширили, она получила довольно широкую известность. И лишь отдаленность Солигалича от железной дороги, плохие пути сообщения долго мешали развитию санатория и наплыву больных...

На территорию лечебницыходишь, словно в парк. Красивая аллея ведет к берегу реки, за вековыми деревьями мирно светятся окна палат. Все тут посажено и построено давным-давно, так же как на улицах города, все напоминает о прошлом, и мне почему-то подумалось, что руководит этим заведением какой-нибудь старый врач, абориген, работающий здесь чуть ли не с начала века.

Несмотря на поздний час, я застал главного врача на месте. И невольно улыбнулся: навстречу мне вышел молодой, спортивной внешности мужчина, в облике которого не было ничего традиционного. Модно подстриженные черные волосы, бородка, веселый, несколько иронический взгляд, теплый яркий свитер — все выдавало в нем человека «современного покроя».

— Владимир Модестович Баклушин, — представился он. Полюбопытствовал, что меня интересует, и без обиняков, будто на лекции, начал перечислять: за год санаторий принимает около трех тысяч больных, эффективность лечения — шестьдесят — восемьдесят процентов, обслуживают в основном Нечерноземную зону, однако приезжают люди и из других мест: из Москвы, Киева, Тбилиси, Оренбурга и т. д. Нередко бывает так, что от аэродрома человека доставляют на носилках, а после курса лечения он уходит на своих двоих. Был тут даже своеобразный музейчик оставленных бывшими больными палок и костылей, но Владимир Модестович его ликвидировал, решив, что сохранять это унылое зрелище ни к чему.

Есть, конечно, у санатория свои трудности — плохо с кадрами, не хватает специалистов, из-за чего медленно и плохо идет установка нового оборудования. Баклушин рассказывал об этом, не жалуясь, а как бы даже чуть посмеиваясь над обстоятельствами, которые складываются пока не в пользу санатория, но тем не менее все идет своим чередом и коллектив не унывает.

— А от больных претензии есть? — спросил я.

— Не без этого... Однако больше благодарностей. — Владимир

Модестович пожал плечами, как бы сам удивляясь этому обстоятельству, — несколько томов накопилось.

После я листал эти «тома» — толстые книги, в которых почти каждый из больных оставлял несколько строк на память о своем пребывании здесь. «Уезжая из Солигалича, от всего сердца хочу сказать вам, дорогие работники санатория, невзирая на ранги и звания — всем, всем, всем, огромное спасибо!..», «Низкий поклон и большое спасибо Вам, Владимир Модестович, и в Вашем лице всему коллективу за внимание, хорошее лечение и заботу о больных...»

Сотни страниц благодарностей, теплых, душевных слов! У курорта далеко не идеальные условия, это не Крым и не Сочи, но маленький коллектив энтузиастов делает все, чтобы приезжающим сюда больным было хорошо. Судя по записям, это ему удается.

* * *

На следующее утро, выйдя на улицу, я невольно зажмурился от ослепительного света. Высокие сугробы вдоль тротуаров, серебристо-белые папахи на домах, сосульки под крышами — все искрилось и сверкало, словно на рассвете случился невиданный звездопад и мириады звездных осколков разлетелись по земле.

Наконец-то после затяжных морозов и метелей, кажется, наступили погожие дни. И город радовался солнцу, безветрию, чистому снегу: это чувствовалось по многолюдью и оживлению на улицах, по ликующим голосам ребят.

Первым делом решил я заскочить в колхоз имени Мичурина — на родину Ивана Дмитриевича Сытина, благо это совсем рядом. Когда знаешь, как выглядело то или иное селение в прежние годы (а Иван Дмитриевич в своей автобиографической повести «Страницы пережитого» писал о Гнездикове), невольно хочется сравнить его с сегодняшним днем.

Между прочим, есть в книге Сытина довольно любопытное признание. «Учился я в сельской начальной школе при волостном правлении, — рассказывает Иван Дмитриевич. — Учебниками были славянская азбука, часовник, псалтырь и начальная арифметика. Школа была одноклассная, в преподавании — полная безалаберность. Учеников пороли, ставили в угол на колени или же на горox, нередко давали и подзатыльники. Учитель появлялся в класс иногда в пьяном виде. А в результате всего этого — полная распушенность учеников и пренебрежение к урокам. Я вышел из школы ленивым и получил отвращение к учению и книге — так опротивела за три года зубрежка наизусть» (Разрядка моя — В. Х.).

Любопытно читать эти строки, зная, что автор их прославился на всю Россию именно как лучший друг книги и великий трудлюб.

Школы, которую описывает Сытин, конечно, давно уже нет и в помине. К услугам гнездиковских ребят отличное школьное

здание с просторными классами и специальными учебными кабинетами, а в большом педагогическом коллективе — немало их земляков. Да и самого села не узнал бы Иван Дмитриевич. Современные постройки изменили облик старого Гнездинова, главная улица словно бы помолодела и раздалась вширь.

В правлении колхоза было почти безлюдно, все разошлись и разбегались по делам. Из руководства встретил лишь зоотехника Тамару Николаевну Яшину, с ней и решил поговорить. Тамара Николаевна напоминает внешне актрису Нонну Мордюкову в какой-то знакомой роли — и лицом, и статной фигурой, и даже манерой говорить. На вопросы она отвечает несколько небрежно, с такой горделивой неохотой: мол, ничего у нас особо интересного нет, пусть другие хвастаются. Планы, конечно, выполняются — по производству и продаже мяса, молока, другой продукции, но могли бы работать и лучше... Строительство? Да, кое-что построили за последние годы: Дом культуры, столовую, Дом быта, детские ясли, однако запросы растут и претензий к строителям предостаточно... Остается ли молодежь в колхозе? И да и нет. Комсомольская организация по здешним масштабам не такая уж маленькая — тридцать шесть человек — ребята грамотные, много читают, любят спорт и участвуют во всех районных соревнованиях, но... мало девушек, не хватает невест. Об этом последнем обстоятельстве Яшина говорила таким тоном, что сразу становилось понятным ее несколько ироничное отношение к сегодняшним успехам, — мол, надо больше думать о дне завтрашнем, а без женских рук чего добьешься? Мужик он и есть мужик...

Слушал я рассуждения Тамары Николаевны, любясь исподволь несколько меланхолическим выражением гордого ее лица, и думал, что о солигаличских женщинах стоило бы рассказать особо.

Первый более чем заметный след в истории Солигалича оставила в 1808 году его жительница, мещанка Мария Воронова. В один из вечеров она засветила перед образом свечку, а сама ушла поболтать с соседками, да и засиделась допоздна. Обернулось это легкомыслие сильнейшим пожаром, в котором сгорел не только дом Вороновой, но и... весь город. Марии, естественно, было предъявлено обвинение в поджоге, ее посадили в острог и несколько раз вызывали на допрос. Однако она не пала духом, напротив, вела себя на суде столь гордо и независимо и так остроумно отвечала на вопросы служителей Фемиды, что в конце концов все закончилось весьма занятным, единственным в своем роде постановлением: «Дело прекратить, а мещанке Марье Вороновой внушить: впредь городов не поджигать»!

Немало внимания здешним женщинам уделил в своих статьях, посвященных проблеме отходничества, земский врач Жбанков, работавший в селе Корцове. Одна из этих статей под заглавием «Бабы сторона» была издана отдельной брошюрой и обратила на себя

внимание широкой общественности. Ссылаясь на нее в своей работе «Развитие капитализма в России», В. И. Ленин делал вывод, что неземледельческое отходничество «ослабляет старую патриархальную семью, ставит женщину в более самостоятельное положение, равноправное с мужчиной». В подкрепление этой мысли он приводит цитату из «Юридического вестника» (1890): «Привыкшая обходиться без мужской власти и помощи, солигаличанка вовсе не похожа на забитую крестьянку земледельческой полосы: она независима, самостоятельна... Вообще равенство женщины с мужчиной сказывается почти везде и во всем». Это в те далекие годы. Что же говорить о женщине современной!

Есть в Солигаличе улица, которая носит имя бесстрашной партизанки Вали Вахуровой. Одна из витрин местного краеведческого музея посвящена славным трудовым подвигам агронома совхоза «Бурдуховский» Тамары Михайловны Сычевой и телятницы колхоза «Волна» Александры Андреевны Антуфьевой. А о солигаличской комсомолке Наташе Залетовой знает вся костромская молодежь, потому что она была одной из первых в том патриотическом движении школьников Нечерноземья, которое началось несколько лет назад под девизом «С аттестатом зрелости и с комсомольской путевкой — на вторую целину!».

Из колхоза имени Мичурина я отправился прямо к мелиораторам. Бочарников уже поджидал меня. В светлом спортивном пиджаке, подтянутый, стройный, он напоминал сегодня участника каких-нибудь международных соревнований, только что вернувшегося с почетным призом домой. Да и кабинет его чем-то был похож на комнату спортсмена: стены увешаны выпелами и почетными грамотами, на полках и на столе — внушительного вида дипломы в пурпурных и коричневых папках, какие-то кубки и другие знаки отличий и побед.

— Богато живете, — сказал я, здороваясь. — Красиво, и вся история мехколонны налицо.

— Если бы вся! — усмехнулся Бочарников. — К сожалению, кроме успехов... чего только не бывает.

Он стал рассказывать о нелегком испытании, которое пришлось нынче выдержать молодежному коллективу в связи с затянувшейся непогодой.

Лето выдалось на редкость ненастное, дожди шли почти беспрерывно, путая мелиораторам все расчеты. Однако они не падали духом. Несмотря ни на что, разъезжались каждый день по объектам, изобретательно маневрировали техникой, на ходу перестраивая планы работ. Да ведь и не привыкли ходить в отстающих: как-то уже само собой выходило, что к концу полугодия или квартала коллектив солигаличской ПМК-13 непременно занимал одно из первых мест. Однако разгуливающая стихия брала свое: тонули в грязи и выходили

из строя машины; измотанные, озябшие, в промокших до нитки одеждах люди буквально валились с ног. Вечерами, возвращаясь домой, с надеждой поглядывали на небо: может, завтра прояснится? Но не прояснилось ни завтра, ни послезавтра, дождь лишь ослабевал ненадолго, чтобы затем припустить с новой силой. Оптимисты уповали на теорию вероятности: раз такое дождливое лето, значит, осень должна быть солнечной и сухой, не может же лить без конца. Нет, не помогла и «теория» — осеннее ненастье затянулось до зимы.

В районе между тем создалось необычайно трудное положение с уборкой урожая и заготовкой кормов. Невозможно было выехать в поле, на лугах стояла вода. В борьбу за спасение урожая включились все, кто мог. И для мелиораторов это также стало в те дни главной заботой — разбросанные со своей техникой по всему району, они принимали посильное участие в уборке, работали на заготовке и силосовании трав.

А свой план «горел»; все графики спутались, заработки заметно пошли на убыль. «Ничего, — подбадривал людей Бочарников, — как только выпадет снежок да подкует землю, мы свое быстро наверстаем». Разве мог он предполагать, какой сюрприз преподнесет зима!

В декабре ударили неслыханные морозы. Рвались линии электропередач, выходили из строя отопительные системы, на фермах замерзала вода. Тревожно было и в ПМК — то с одного, то с другого объекта просили прислать сварочный аппарат: лопались тракторные сцепы, в машинах трескался металл. Когда температура упала почти до пятидесяти градусов, пришлось временно свернуть укладку дренажа, строительство, вывозку удобрений на участки мелиорации; лишь работа кусторезов не прекращалась ни на один день.

И все это время не оставляло Анатолия Дмитриевича беспокойство — часто казалось ему, что некоторые ребята, особенно из самых молодых, не выдержат испытаний. Он переживал за свой славный коллектив, с которым столько было связано и радостей и тревог и который давно уже стал для него второй семьей. Однако опасения оказались напрасными — никто не сдрейфил, ни один человек не ушел...

Во время нашего разговора в кабинет стремительно вошла высокая, красивая девушка, и я сразу догадался, что это Наташа Залетова. Живые, смеющиеся глаза, румянец на щеках, нарядная кофточка, пушистая шапка из какого-то золотистого меха — все в ней было веселым и ярким.

— Молодой ветеран мехколонны, — с улыбкой представил ее Анатолий Дмитриевич.

Я спросил у Наташи первое, что пришло на ум: почему она выбрала именно эту профессию, как пришла к такому решению?

— А и сама не знаю,— Наташа пожала плечиком.— Наверное, Бочарников такой хороший агитатор, сумел в свою колонну заманить,— улыбулась, подумала немного.— Ну, а если серьезно... Нам предложили конкретное, живое дело, в важность которого мы поверили. Вот и все. Хотя нет, может, и это не главное... У нас был такой дружный класс, просто страшно было подумать, что после школы сразу все кончится и все разлетится кто куда. Навсегда! Представляете? А в это время говорят: «Зачем расставаться, зачем куда-то уезжать? Вот вам работа — трудная, интересная, на природе. Разве не хотите вы — все вместе! — стать преобразователями родной земли?» Ну, и так дальше... И тут надо было кому-то первому решиться. Вот я и решилась...

— Не жалели после?

— Нет. Все вышло так, как мы мечтали... И никто из ребят не пожалел. А сдружились еще больше. Они теперь мне как родные братья...

Потом Анатолий Дмитриевич пригласил меня проехаться по объектам.

Машина выскочила из города, промчалась километра два по накатанной, глянцево-ровной дороге и свернула в лес. Высокие ели в снежных тулупах стояли двумя плотными шеренгами, и невольно хотелось угадать, что там происходит за их спинами, в лесной глуши.

— А не сразу я после степных просторов к здешней природе привык,— рассказывал Бочарников.— Особенно на первых порах чувствовал себя стесненно. Как сейчас помню первую солигаличскую командировку, тогда еще в качестве землеустроителя. Шел лесной дорогой один и все поглядывал по сторонам. Непроницаемые заросли... Так и думалось, что там зверья всякого видимо-невидимо, того и гляди из кустов выскочит оголодавший волк или громадина-медведь. И странным казалось, что здешним людям могут нравиться эти мрачные чащи, за которыми даже неба почти не видно, эта бескрайняя лесная глухомань... А после смеялся над собой.

Вдоль и поперек исходил и изъездил за эти годы Анатолий Бочарников Солигаличский район, полюбил его и теперь вот с улыбкой вспоминает о первых своих ощущениях. Какой-то особенной, тихой и доброй красотой покоряет неизбалованного человека этот северный край: его задумчивые леса, его неглубокие чистые реки, живописные пойменные луга. Никогда древняя солигаличская земля не была особо щедра к хлебопашцу: бедные почвы, мелкоконтурные поля среди наступающих лесов и болот. И радостно сознавать Анатолию Дмитриевичу, что именно ему с молодыми друзьями довелось принять участие в облагораживании этих земель, внести посильный вклад в развитие Российского Нечерноземья.

Мы побывали на нескольких объектах. Условия, в которых трудятся зимой мелиораторы, конечно, нелегки. Но на лицах ребят незаметно было ни малейшего уныния. Работали они с азартом, с шуточками, радостно было наблюдать за ними, и хотелось верить, что дело освоения запущенных земель Нечерноземья в надежных руках.

* * *

Все это был сегодняшний день Солигалича, а мне еще предстояло встретиться, так сказать, с днем вчерашним. Простившись с мелиораторами, я отправился по адресу, который назвал юный художник в самолете, и через полчаса стоял уже перед опрятным домиком с закрытой верандой и высоким крыльцом. На стук мне открыл худой сутуловатый старик в валенках и сером домашнем пиджаке.

— Чем могу служить? — вежливо и несколько церемонно спросил он, с интересом разглядывая меня сквозь круглые очки.

Это и был Лев Михайлович Белоруссов, проживающий здесь, по словам веселого юноши, чуть ли не «со дня основания Солигалича». Когда мы прошли в комнату, Лев Михайлович хлопотливо начал доставать какие-то папки с бумагами, сосредоточенно и быстро пробегать глазами отдельные листки. Читал он без очков, и я полюбопытствовал, сколько ему лет.

— Без году девяносто, — живо отозвался Лев Михайлович. — Шестнадцать из них живу тут. Заведовал школой, преподавал русский язык и литературу и почти все эти годы был бессменным председателем районного общества краеведов.

Да, он действительно знает всю историю Солигалича, а к спасению картин Григория Островского причастен лично.

...В 1918 году председатель Солигаличского ревкома В. А. Вылузгин отдал приказ собрать в помещичьих усадьбах все ценные произведения живописи, чтобы сохранить их для народа. С этой целью создана была специальная комиссия, в состав которой вошел и Белоруссов, работавший тогда в райвоенкомате инструктором-организатором агитпросветотдела. Ему дали особое задание: как только картины будут собраны, взять в помощь двух красноармейцев и устроить выставку. Это было не только первым большим событием в культурной жизни советского Солигалича, но и вообще одной из первых акций ревкома.

Местом для выставки выбрали курзал (курорт в то время не работал). Помогать Белоруссову вызвались местный учитель рисования, представитель наробраза и приехавший из Петрограда антиквар Апухтин. Вот тогда-то и было впервые громко названо имя Григория Островского — на его портреты, привезенные из усадьбы Черевиных,

комиссия обратила особое внимание. Выделялись они изяществом рисунка, чудодейственной игрой красок, тонкой проработкой деталей.

Выставка вызвала большой интерес у местного населения, посмотреть ее приезжали жители многих окрестных сел... А через три года в Солигаличе открылся музей, и картины были переданы туда. Часть полотен Островского с самого начала и все последующие годы находилась в постоянной экспозиции, остальное держали в запасниках. Благодаря стараниям работников музея, особенно бывшего директора его Бориса Ивановича Смирнова, сознававших высокую художественную ценность этих произведений, почти все портреты были сохранены до наших дней. К сожалению, время не пощадило их. Как известно, несколько лет назад на эти полотна обратили внимание сотрудники областного музея и московские реставраторы, благодаря стараниям которых картины Григория Островского обрели вторую жизнь и получили широкую известность.

— Для нас, конечно, это была очень большая радость, — заканчивая свой рассказ, промолвил Лев Михайлович, — хотя мы тут оказались вроде бы и ни при чем. По некоторым публикациям выходило, будто никто в Солигаличе ни малейшего представления о тех ценностях не имел. Согласитесь, что для наших музейных работников это немножко обидно.

Действительно, некоторый осадок горечи у солигаличан остался. Но, к чести их, надо заметить, что говорят об этом весьма деликатно. Так, едва коснувшись этой темы, Лев Михайлович как бы сконфузился и тотчас заговорил о другом:

— В летней церкви бывшего Рождественского собора, в помещении которого размещен наш музей, есть изумительные фрески палешан, настолько прекрасные, что я всякий раз выхожу оттуда прямо-таки потрясенный. Сколько в силах, работники музея охраняют их от порчи, широкий доступ в летнюю церковь закрыт, но нужна реставрация, иначе замечательные произведения погибнут.

Было уже поздно, когда я возвращался к себе. Город еще не спал, но улицы совсем почти опустели, торопливые шаги редких прохожих громко раздавались в тишине. А мне не хотелось спешить. Останавливался возле домов-теремов, с непостижимой фантазией украшенных деревянными кружевами, вглядывался в величественные очертания древних построек, снова и снова восхищаясь великим творением человеческих рук. А в памяти воскресали то рассказы об искусных солигаличских гончарах, то прочитанные когда-то страницы о мастерах кузнечного дела из деревни Холопово, откуда, к слову сказать, вышел первый русский академик-гравер Лаврентий Серяков... И с невольным удивлением думалось о том, сколь богата талантами древняя солигаличская земля.

ВОЛГАРИ

I

Вдоль освещенного солнцем берега выстроились одинаковые, как на подбор, скирды соломы. Высокие, аккуратно очесанные, они стояли на равном удалении друг от друга, словно забытые древним войском шатры, а безлюдье и тишина придавали этому зрелищу какую-то особую величавость. Волга была спокойно-ласкова, и паром приближался к берегу почти беззвучно, лишь изредка всплескивала на повороте легкая волна.

Два человека, облокотясь на перекладину, молча любовались заречными полями: первый секретарь Красносельского райкома партии Анатолий Алексеевич Смирнов и председатель колхоза имени Ленина Георгий Леонтьевич Копцев. Секретарь райкома испытывал чувство радости и облегчения — уборка урожая в районе подходила к концу. А думал он о том, что нет для земледельца более приятной картины, чем вид такого вот чистого, убранного поля и стоящих на нем аккуратных скирд. Копцев же озабоченно прикидывал в уме, чем будет интересоваться в колхозе секретарь райкома и что ему следует показать. Георгий Леонтьевич «выскочил» сегодня в райцентр по неотложным делам, совершенно не предполагая, что обратно будет возвращаться с гостями.

Паром пересекал Волгу наискосок, поэтому скирды вскоре стали уходить назад, шеренги «древних шатров» теряли стройность, а справа показались дома.

— Кто это у вас так красиво скирдует? — с сожалением отрываясь от нарушенного пейзажа, спросил Смирнов.

Георгий Леонтьевич ответил сразу, словно только и ждал этого вопроса:

— Иван Владимирович Рукавишников, кто же еще!.. Бывший фронтовик, танкист, — решил он добавить, — немолод уже, и спина вся изранена, а в этом деле лучше его нет.

— Ювелирная работа! — похвалил секретарь райкома.

— А он и есть ювелир. Зимой — в мастерской, летом — в поле.

— Сейчас, наверно, все ваши ювелиры на уборке льна свое искусство показывают?

— Ясное дело. И половина Манефиных людей там.

— А как с заготовкой кормов?

— План выполнили, но дел еще много. Завтра тоже механизаторов на закладку сенажа пошлем. Ну, и Манефа поможет...

Я прислушивался к их негромкому разговору, всматриваясь в знакомые очертания наплывающего села и заранее рисуя в воображении своем колоритные фигуры ее обитателей — потомственных волгарей, ювелиров, подопечных загадочной Манефы.

Над обрывистым берегом протянулась ровная улица разноцветных домов, в основном деревянных, с резными наличниками и светелками,

со скамеечками у ворот. Напротив них росли вековые деревья, они вцепились могучими корнями почти в самую кромку обрыва, защищая улицу от ветров, давая ей тень и прохладу. А дальше, на другом конце села, видна была красивая бело-зеленая колокольня, и там же, у самого берега, чуть покачивался на волне чистенький, словно игрушечный, дебаркадер. Кажется, совсем не изменилось Густомесово — точно таким увидел я его и в первый свой приезд.

...Как-то, много лет назад, решил я провести свой отпуск на Волге и облюбовал именно это село. Стояло оно как бы на отшибе: райцентр за Волгой, из Костромы сюда дороги не было, да и теплоходы местного сообщения останавливались здесь почему-то реже, чем у других причалов.

Дождливый августовским днем я сошел с речного трамвайчика на пристань и остановился в раздумье: кроме меня, ни одного пассажира и на берегу хоть бы живая душа — куда пойти, к кому на постой проситься?

Шкипер дебаркадера, суровый старик, худой и большеносый, как дятел, не обратил на меня ни малейшего внимания. Отдав чалку и задвинув перекладину, он минут пять глядел вслед удаляющемуся теплоходу, словно желая убедиться, что капитан взял правильный курс, затем достал метлу и принялся деловито скрести палубу. На мой вопрос отозвался не сразу, сначала будто и не расслышал. Лишь после того, как собрал в ведро остатки мусора и поставил на место метлу, удостоил, наконец, взглядом.

— Недельки на три, говоришь? — переспросил он таким тоном, словно в чем-то сомневался. — Не знаю, голова, куда тебя и послать. К Серафиме бы, да у нее дочка с зятем гостят... Анны дома нет, в Кострому уехала... — и неожиданно предложил: — А хошь, так валяй ко мне. Домишко у меня, конечно, не ахти какой, однако места хватит. Зато рядом, десять шагов всей ходьбы.

Поблагодарив, я деликатно намекнул, что вообще-то мне желательно бы снять отдельную комнату — для работы.

— А и комнатенка есть, — живо отозвался на это шкипер, — когда еще сын учился, из чулана ему оборудовали. Крохотная, правда, как скворечник, да зачем тебе больше-то?

На улице сеял дождь, надо было куда-то определяться, и я с некоторым, правда, сомнением согласился.

— Сейчас пароход снизу встреч, и пойдем. А то дак один ступай. Жене скажешь, мол, Ананий Филиппыч прислал... Погляди. Коли не понравится, в другом месте поищем.

Суровость старого шкипера оказалась чисто напускной. Мы подружились с первого дня. Выпили по чарочке для знакомства, хозяйка дома Софья Андреевна накормила нас обильной яичницей, после чего Ананий Филиппович окончательно подобрел.

— Живи хоть до конца навигации, — говорил он, слегка захмелев, — писать надо, пиши на здоровье, никто тебе слова не скажет,

а покататься по Волге надумаешь, так две лодки у меня, любую бери... И по грибы ходим, коли желание будет, я тебе сам места покажу...

— А где ваш сын теперь? — полюбопытствовал я.

— Ленька-то? На теплоходе плавает, где же еще. Лоцман! — Последнее слово Ананий Филиппович произнес с некоторой важностью. — По моей дорожке пошел. А как же? Я ведь тоже в молодые-то годы лоцманом был, походил по Волге-матушке, куда с добром! — И добавил, опять же гордясь: — У нас тут раньше чуть ли не через каждый дом лоцмана жили.

— Лоцманское село, значит?

— Да уж так повелось. Три пристани здесь рядом, и каждая на свой лад. Чернопенье всю жизнь столицей волжских капитанов считалось, из Гомонихи больше штурмана да механики выходили, а из нашего разлюбезного Густомесова — что не речник, то лоцман...

Мы проговорили до позднего вечера. А на другое утро, выйдя из дома прогуляться, я услышал знакомый хрипловатый голос:

— Эй, гость дорогой!

Ананий Филиппович радостно махал мне рукою, приглашая на дебаркадер.

— Да хоть зайди, глянь на мое хозяйство-то. С хорошим человеком познакомлю.

В маленьком кубрике было уютно, тепло. На чисто выскобленном столе рядом с большим медным чайником стояли три жестяные кружки, старенькая тарелка с большими ломтями хлеба, баночка с сахаром. Пахло вяленой рыбой. У входа сидел пожилой, кряжистый мужчина в капитанской фуражке и стареньком кителе, с добрым приятным лицом.

— Вот, знакомься, Иван Алексеевич Вопилов.

— Тоже лоцман? — догадался я.

— Тоже! — Ананий Филиппович сердито фыркнул. — Да Ивана Вопилова вся Волга знает. В сорок первом году он, можно сказать, самые секретные грузы из Москвы эвакуировал — государственные архивы! Понял? А сколько снарядов да других грузов под бомбежками перевез — и не счесть! «Тоже»... Орден Ленина ему, брат, за это дали и Красную Звезду. Выходит, не «тоже»...

— Да ладно тебе, — мягко упрекнул приятеля Иван Алексеевич и, чтобы перевести разговор на другую тему, промолвил с легким вздохом: — Вот и лето кончается, туманы пошли.

Утро и в самом деле выдалось туманное. Не видно было ни ближних домов, ни деревьев, всю Волгу закрывала плотная молочно-белая пелена. Изредка долетали приглушенные гудки невидимых судов. Один, самый басистый, подавал голос несколько чаще других.

— «Виктор Гусев», — определил Ананий Филиппович. — Часов на шесть опаздывает. Ишь басит...

— Это разве бас,— усмехнулся Вопилов.— Вот у «Пирогова» был голосище — это да! Шалапин!

— Между прочим,— сказал, обратясь ко мне, Ананий Филиппович,— и на «Пирогове» лоцманом корешок наш плавал... В войну под Сталинградом погиб...

Они стали вспоминать знаменитых лоцманов, наперебой рассказывали об их виртуозном мастерстве, о том, как в гражданскую войну и в годы Великой Отечественной под ураганным огнем водили они суда волжских флотилий, и сколько их, безвестных героев, не вернулось к родным берегам.

Иван Алексеевич вдруг умолк, должно быть, вспомнив кого-то из близких друзей. В кубрике установилась печальная тишина.

— Эх,— со вздохом промолвил наш хозяин после паузы.— Были люди... Одно слово, волгари!— И, желая разрядить унылое настроение, предложил:— Давайте-ка лучше чай пить.

Из тумана, будто сквозь вату, глуховато гуднул «Виктор Гусев». Ему испуганно и тонко отозвался чей-то негромкий свисток, затем опять все стихло.

— До полдня простоят, не меньше,— разливая по кружкам крепкий, пахучий чай, комментировал Ананий Филиппович.— Разве что погода переменится, ветерок дунет. Да только веры нет... Теперь, как покойный Федор Герасимыч говаривал, у матросов одно дело: брюки на крючок — и под ватолку, приятные сны досматривать.

Иван Алексеевич к чему-то прислушался.

— Три стоят, а этот, похоже, идет.

— Катеришко куда-то торопится.

— Недавно, говорят, одна самоходка тоже вот так-то в тумане тополилась да на баржу с гравием и налетела. Потопила баржонку...

— Туристическим пароходам об эту пору хорошо,— стараясь повернуть разговор на веселый лад, продолжал свое Ананий Филиппович,— днем у пристани стоят, а ночью в тумане. И ехать некогда.

— Да, рановато нынче туманы начались,— вздохнул опять Иван Алексеевич, думая о чем-то своем.— Плохо дело...

Дня через три, оставив на дебаркадере жену, верный своему слову Ананий Филиппович повел меня в лес.

— Грибов тут у нас прорва,— хвалился он дорогой,— только места надо знать. Сейчас я тебе покажу, где боровики растут. Во какие! Иного за версту увидишь — словно бакен стоит.

Однако набрать боровиков нам не пришлось. Едва мы углубились в еловую чащу, как Ананий Филиппович начал вдруг проявлять беспокойство и к чему-то прислушиваться.

— Не Ленька ли идет?

— Где?— не сразу понял я.

— Да ты слушай,— Ананий Филиппович остановился, приложил ладонь к уху.

Со стороны Волги донеслись слабые пароходные гудки.

— Ленька и есть! — обрадованно и словно бы испуганно воскликнул мой провожатый. — Два гудка длинных и один короткий. Он это. Ах ты, мать честная! Неужто не успею?..

Не разбирая дороги, бежали мы домой. Минут через двадцать Ананий Филиппович уже сидел с какими-то кулками и кошелками в лодке и сильными взмахами весел гнал ее навстречу грузовому теплоходу, идущему вниз по реке.

Позднее узнал я о существующей на Волге традиции: проплывая мимо родного села, лоцман, капитан или штурман дает условный сигнал, чтобы пригласить родных на мимолетное свидание.

Однажды и мне довелось принять участие в подобной операции. Причем произошло это глубокой ночью.

Я крепко спал в своем кабинете-чулане, как вдруг в фанерную переборку громко забарабанили.

— Слышь, постоялец, — тревожно позвала Софья Андреевна, — помоги-ко мне. Ленька идет, а отец занедужил чегой-то. Днем бы и одна справилась, а ночью боюсь...

В крошечной тьме, при свете керосинового фонаря, спустились мы к лодке. Я взялся было за весла, но Софья Андреевна решительно меня отстранила:

— На корму садись, фонарем будешь светить, а на веслах я сама...

Из темноты медленноплыли навстречу зеленые и красные огоньки, слышна была приглушенная работа моторов, а потом обозначились и очертания судна. Когда черная громадина возникла перед нами совсем близко, с каждой секундой все более увеличиваясь в размерах, мне, по правде сказать, сделалось немного жутковато. Стукнувшись раза два о мрачное днище, мы к чему-то причалились, затем откуда-то сверху, будто с неба, донеслись оживленные голоса, среди которых я отчетливо услышал радостное: «Это ты, что ли, мам?» Загремел спускаемый трап, лодку качнуло, и Софья Андреевна растворилась в темноте. Теплоход не остановился ни на минуту, он лишь на какое-то время замедлил ход. Теперь мы продолжали движение вместе, а кругом была сплошная чернота: черное беззвездное небо, черное необъятное туловище самоходки, черная, тихо побулькивающая вода. Мне показалось, что прошло очень много времени, прежде чем вверху наконец снова заговорили, и знакомый голос весело спросил: «Живы?»

Софья Андреевна отвязала лодку, прошла ко мне на корму и, взяв у меня фонарь, помахала им вслед удаляющемуся судну. После чего, устроившись поуютней, устало промолвила:

— Вот теперь садись на весла, а я отдохну.

Мы плыли долго, невидимая вода ровно журчала под килем. Софья Андреевна, ориентируясь как-то в потемках, время от времени сонно

командовала: «Левей немного возьми... Еще полевей... Теперь прямо»...

Таяли в небе, быстро уменьшаясь в размерах, мачтовые огни теплохода, замирал шум двигателей, и ночная, ничем не нарушаемая тишина снова мягко воцарялась над рекой.

2

На вопрос о бывшем лоцмане Копцев ответил не сразу.

— Ананий Филиппович? — переспросил он, морща загорелый лоб. — Верно, был такой. Умер... давненько уже. И супругу его схоронили. А сын, кажется, в Горьком живет.

Председатель колхоза сделал небольшую паузу и вернулся к прерванному разговору о делах насущных, полевых.

Любопытная деталь. Бывая в приволжских селах и деревнях, давно уже подметил я, что население их как бы делится на два «лагеря»: одни занимаются хлебопашеством, а другие определенно и безоговорочно тяготеют к реке. Первые считают себя главной силой и к «водникам» относятся с некоторым пренебрежением, хотя и отдают должное их романтическим профессиям и подвигам волжских героев. А те, в свою очередь, держатся особняком. Дома их, как правило, стоят на первой от реки улице, причем у каждого есть лодка с мотором и собственный причал. И по одежде речника сразу отличишь: или старый китель на нем, или форменная фуражка, или полосатая «тельня» из-за распахнутого ворота видна.

Георгий Леонтьевич Копцев в прошлом был моряком, служил на Тихоокеанском флоте, а в 1945 году с японцами воевал, однако давно уже и навсегда примкнул к сухопутному племени земледельцев. Все помыслы его, все разговоры — о хлебе, о льне, о земле.

Первым делом решил он показать льняные поля. Теребление льна уже подходило к концу, и от самой Волги до дальнего перелеска ровными рядами протянулись теперь составленные в бабки снопы. Георгий Леонтьевич выглядел радостно-возбужденным, делал остановки возле каждого поля, подходил к работающим женщинам, о чем-то расспрашивал их, шутил, а то и сам, как бы машинально, включался в работу.

Секретарь райкома, кажется, тоже был доволен: погодой, людьми, урожаем. За последние дни он объехал все хозяйства района и не видел ни одного поля, где бы лен не удался. Но, судя по вопросам и репликам, которые Смирнов изредка бросал председателю, его уже больше интересовали другие дела: как идет сушка семян, каковы у колхоза взаимоотношения с льнозаводом, когда будет отправлено на переработку сырье. Затем стал расспрашивать Копцева о ходе продажи зерна, о засыпке семенных и фуражных фондов, так что Георгий Леонтьевич в конце концов предложил ему взглянуть на работу сушилки и механизированного зернотока.

Сооружения сушильного хозяйства возвышались на краю села. После прозрачной тишины полей здесь было душно и шумно. Утробно гудели моторы, пахло хлебом, между высокими силосами вылась золотистая пыль. И удивляло безлюдье.

— Всю эту махину два человека обслуживают, — похвастался Копцев. — Вот такая теперь у нас техника!

Невдалеке от механизированного тока, словно бы продолжая индустриальный пейзаж, виднелись строения машинного двора и гаража, а чуть дальше поднималось кирпичное здание новой животноводческой фермы. Нет, ошибся я, решив поначалу, что вовсе не изменилось Густомесово. Ничего этого не было в те далекие годы.

Секретарь райкома вскоре засобиравшись в обратную дорогу, и Копцев поехал его провожать. А я решил заглянуть к ювелирам...

На лавочке возле старого двухэтажного дома сидели, покуривая, четверо пожилых мастеров. Один из них показался мне знакомым. Темное, словно прокоптевшее лицо, глубокие складки на щеках, мягкий в оспинках нос, хитроватый взгляд из-под набрякших век. Точно, Сергей Федорович Чистов. Ветеран мастерской, искусный ювелир, автор многих изделий из золота и серебра. Когда-то, много лет назад писал я о нем в областную газету. Сергей Федорович не узнал меня, но радушно поздоровался и представил своих товарищей: заготовщика Василия Васильевича Калганова, паяльщика Дмитрия Ивановича Рукавишников, гравера Николая Федоровича Чистова. Они потеснились, освобождая место, со сдержанным любопытством поглядывая на меня.

— Какими судьбами? — спросил Сергей Федорович, сделав вид, будто не забыл давней встречи.

Я отвечал, что интересуюсь прошлым и настоящим промысла и был бы рад послушать ветеранов.

Разговорились они сразу, причем о делах давно минувших дней рассказывали с такими подробностями, словно все это происходило вчера: о последнем владельце промыслов, богаче Ардлиёне Рукавишникове; о его сыновьях, двое из которых были инвалидами; о жене старшего сына Алексея, женщине красивой и коварной; о том, как в 1929 году раскулачен был Ардлиён и в сопровождении отца Сергея Федоровича Чистова отправлен в места не столь отдаленные...

— Однако успел прасол богатства свои упрятать, все закопал, — Сергей Федорович таинственно прищурился. — Искали везде, и хоть бы грамм золота или серебра нашли. Одному человеку на всем свете ведома была тайна — жене Алексея, только ей сказал о кладах своих Ардлиён. И держала она язык за зубами года четыре, пока не проболталась какому-то проходимцу, любовнику своему.

— А разве сам Алексей ничего не знал?

— Старшего сына Рукавишников недолюбливал. Да тот, правду сказать, и не больно жалел об этом. Не мог он спокойно смотреть на

жадность отцовскую, на то, как Ардлийн последние соки из крестьян выжимал. В дело Алексей не входил, за наследством не тянулся, а потом и вовсе куда-то уехал...

— Ты расскажи, как потом клад-то нашли,— напомнил Дмитрий Иванович.

— В тридцать третьем году у нас здесь было шуму,— Чистов покрутил головой.— Выкопал тот проходимец три буханки серебра, по два пуда каждая, и начал их распиливать, чтобы в торгсин сдать, но вскоре куда-то исчез, как ветром его сдуло... А мы опять принялись было искать клад; все подполье перерыли, весь сад. Иногда натывались на разные мелочи, а главного так и не нашли, хотя знали, что одного серебра Ардлийн Рукавишников не меньше сорока пудов сгорнил.

Между тем ювелирная артель, созданная в Густомесове в 1929 году одновременно с колхозом, продолжала жить и развиваться. Появились новые изделия, и многие из них, как, например, «Уральская звездочка», принесли артели широкую славу. Освоили густомесовские мастера и «военную» продукцию. Вряд ли догадывались боевые командиры, что «кубики», «шпалы» и другие знаки различия поставляли армии колхозники из тихого приволжского села.

Позднее заведовать ювелирной мастерской стал Сергей Федорович Чистов. Вспоминал он об этом периоде своей жизни не без гордости:

— Хлопот тогда хватало: и договора заключал, и о золоте заботился, и сбытом занимался. В Москву, в Сокольники, где устраивались оптовые ярмарки, бывало привозил образцов на семьсот—восемьсот тысяч рублей. Понаедут представители торговых баз из разных городов, аж глаза у них разгорятся, только успевай договора подписывать!.. Теперь масштабы другие, размах не сравнить, и всеми этим делами занимается объединение. У нас уже не мастерская, а цех, и народу стало поменьше, однако продукции, как и прежде, на миллион рублей выпускаем, стараемся...— Сергей Федорович посмотрел на товарищей.— Пора бы уже и на покой, да председатель колхоза не пускает. Как-то говорит мне: пока, дескать, хорошего молодого специалиста на смену не найдем, будешь работать и людей искусством своим радовать. Вот и весь сказ.

Он засмеялся, немного смутившись нечаянного хвастовства, встал. Товарищи его тоже начали подниматься.

— Пора нам, заговорились больно, а работа стоит.

Я прошел следом за ними в цех. Ходил от верстака к верстаку, дивясь тому, как невзрачные, тусклые заготовки превращались в сверкающие украшения.

В небольшой комнатке на втором этаже разместился скромный склад готовой продукции. Заведующая им Екатерина Александровна Плетнева показывала свое хозяйство со спокойной улыбкой, открывала белые коробочки, и внутри их тотчас вспыхивали огоньки —

рубиновые, аметистовые, изумрудные, золотые. Тонкие, как паутинки, лучи разбегались по стенам и потолку, отчего комната казалась волшебной.

С чувством светлой радости покидал я этот чудесный дом. Мы вышли на улицу вместе с Чистовым. Рабочий день кончился, и в селе стало удивительно тихо. Звуки доносились теперь только с реки. Вот где-то далеко, должно быть, у Гомонихи, глухо заурчала моторная лодка... С коротким, удаляющимся шумом промчался вниз по Волге «метеор»... Совсем близко от берега неторопливо проплыла — будто по улице проехала — самоходная баржа... Некоторое время слышно было, как волны лениво набегали на прибрежные камни, затем опять наступило безмолвие. Солнце зашло, лишь вершины берез золотились да колокольня сияла вдали.

Я стоял, пораженный красотой этого необыкновенного вечера: прозрачной нежностью красок, свежими запахами речной воды, мягкой патриархальной тишиной. По какой-то странной ассоциации вспомнилась вдруг загадочная Манефа, имя которой то и дело называли в колхозе. Любопытно, кто она такая? И что значат «манефины люди»?

Моему вопросу Сергей Федорович ничуть не удивился.

— О, Манефа Ивановна — большой человек, командирша! — отвечал он, улыбнувшись. — Всем районным бытом заведует. А здесь в ее подчинении строчке-вышивальный цех. Может, хотите с ней поговорить? Так это рядом...

Вот, оказывается, и вся разгадка, ничего неожиданного.

Небольшой домик Манефы Ивановны Бузиной я нашел быстро. Открыла высокая, полная женщина с волевым, энергичным лицом. Именно такой мне она и представлялась. Впрочем, неожиданный визит корреспондента, кажется, застал хозяйку врасплох: Манефа Ивановна захлопотала, несколько раз извинилась за беспорядок в комнате, торопливо стала что-то прибирать. И эта простодушная растерянность, вовсе не вязавшаяся с внешним обликом «командирши», как бы открывала в ней новые черты.

Я тоже принес извинения, сказав, что зашел всего лишь на минутку для того только, чтобы договориться о встрече на завтрашний день.

— А вот завтра-то меня и не будет, — улыбнулась Манефа Ивановна: — С утра на пленум райкома уеду. Так что давайте разговаривать сейчас, — и предложила: — не хотите ли чайку?..

Рассказывала она интересно и живо, то смеясь, то поднося к повлажневшим глазам носовой платок. Судьба Манефы Ивановны фактически определилась в годы войны, когда ей, семнадцатилетней девочке, пришлось возглавить труднейший колхоз. Потом работала в райкоме партии, в райисполкоме, заведовала предприятием... Теперь руководит районным управлением бытового обслуживания. Под ее началом Дома быта, комплексные приемные пункты, имеющиеся нынче в каждом колхозе, ну и конечно же упомянутый Чистовым

строчеч-вышивальнй цех, слава о котором давно вышла за пределы области. О цехе Манефа Ивановна рассказывала особенно охотно.

— Раньше коллектив у нас был большой, человек сто пятьдесят, целая фабрика — это когда вышивали вручную, а сейчас и полсотни не наберется. Зато все строчат на машинках. Первое время выпускали только постельное белье, но вскоре переключились на капроновые блузки. Спрос был огромный — и в Москву, и в Ленинград, и в другие города продукцию свою отправляли. Потом стали вышивать джинсовые юбки, сарафаны, мужские рубашки — все, что мода требовала. Нынче особым спросом пользуются женские платья из ткани, которую выпускают костромские текстильщики, — лен с лавсаном. Получаем до ста писем-заказов в день. Даже из-за рубежа заявки есть, — Манефа Ивановна опять светло улыбнулась, посоветовала: завтра вы обязательно в цех загляните, девочки всю нашу продукцию покажут.

Я зашел к ним перед отъездом. В светлом помещении стрекотало три десятка швейных машин. Пол мелко дрожал, словно это была палуба корабля. Под быстрыми руками женщин-ажурниц волнами всплескивали яркие разноцветные полотнища, на каждом из которых миллиметр за миллиметром рождался изящный узор. Глаза разбегались от разнообразия рисунков, у каждой ажурницы был свой, и все узоры, как мне сказали, родились здесь: их создала густомесовская художница Людмила Витальевна Румянцева.

А рядом, в отделе отправки, где Наталия Афанасьевна Незамайкова, Галина Анатольевна Лапина и Тамара Ивановна Комкова упаковывали готовую продукцию, пачками лежали новые, только что поступившие письма-заявки. Из ближних и дальних уголков страны. В одном из них была такая приписка: «Здравствуйте, товарищ председатель колхоза. Проезжая на пароходе мимо вашего села, мы были поражены его красотой... Сообщите, пожалуйста, можно ли к вам приехать работать и жить».

— Много таких писем приходит, — сказала Тамара Ивановна. — Кошцев прямо не знает, что и отвечать. — И добавила с бесхитростной улыбкой: — Вот какое у нас село.

И верно, удивительное село! Живут здесь простые люди, потомственные крестьяне, в облике которых нет ничего от людей искусства — они одинаковы и в поле и в мастерской, — а руки их творят чудеса.

ЗАГАДКА ЧУХЛОМСКОГО ОЗЕРА

Дождь прекратился лишь к вечеру. Какое-то время на железный козырек за гостиничным окном звонко падали еще крупные прозрачные капли, словно ухोдившая на запад туча выдавливала из себя последнее, а потом и это кончилось, и наступила мягкая, парная тишина. Ни голоса ниоткуда не доносилось, ни звука шагов.

Я вышел на улицу. Было тепло, пахло укропом, над мокрым асфальтом курился легкий парок. И поразительное дело — нигде ни души. Будто вымерло на неширокой площади возле кинотеатра — очевидно, давно уже закончился последний сеанс; пустынно было и в городском саду, молчаливо стояли березы, низко опустив отяжелевшие от влаги пряди ветвей; одно за другим гасли окна домов.

Вот такой и увидел я в этот вечер Чухлому — задумчиво-доброй, притихшей, умытой теплым июльским дождем. Постоял на перекрестке, вглядываясь в зеленый сумрак безлюдных улиц, и побрел наугад мимо двухэтажной гостиницы и красивого кирпичного здания, в котором разместились библиотека и краеведческий музей, мимо старинной церкви с высокой колокольней... За церковью улица словно обрывалась, круто падая в глубокий овраг, но на другой стороне его вновь резво взбегала вверх, отсюда хорошо видны были симпатичные домики с веселыми узорчатыми окнами, расположенными высоко над землей.

Человека, впервые попавшего в Чухлому, охватывает такое чувство, словно он неожиданно-негаданно оказался в приморском городе. Куда бы ни пошел, в какой бы переулок ни свернул, отовсюду виднеется вода — она проглядывает между домами, искрится и сверкает сквозь ветви деревьев, манит к себе. Это — Чухломское озеро, раздольное, красивое, исстари знаменитое промыслом золотого «царского» караса.

Неширокая улочка ведет вниз. Шаги мои по деревянным мосткам гулко отдаются в чутком безмолвии, и я невольно сдерживаю себя, стараюсь ступать осторожнее, тише. Все здесь кажется древним, как само озеро: и этот потемневший от времени дощатый тротуар, и крашенные кадки для дождевой воды под каждой водосточной трубой, и горько пахнущие осиною и березой высокие поленницы во дворах. Только телевизионные антенны, всюду торчащие в вечернем небе вперемежку со скворешнями, напоминают о сегодняшнем дне.

В самом конце улицы, возле правления рыбоколхоза, высоким штабелем сложены благоухающие сосновые бревна, и сразу за ними во всю серебристую ширь наконец открывается водоем...

Озеро будто застыло — ни всплеска нигде, ни морщинки; дремотно замерли камышовые островки и рыбацкие лодки у причала; белые синие, розовые облака отразились в зеркале воды с такой четкостью и чистотой, как если бы смотрел в небо. Возле берега плавают запоздалые утки, на деревянных мостках мужчина и женщина, изредка негромко переговариваясь, полощут белье. Но и эти слабые звуки ничуть не нарушают заповедной, колдовской тишины.

Чухломское озеро... Чухлома... Уже в самих этих названиях угадывается что-то глухотанное, древнее. И в самом деле, дошли они до нас из далеких времен: в летописи Солигаличского монастыря о существовании «града нарицаемого Чухлома» упоминалось еще

в XI—XII веках. Из той же летописи следует, что и озеро имеет свою любопытнейшую историю, что с давних-предавних времен привлекало оно к себе взоры богатых хозяев. Владели им и Воскресенский монастырь, и знатные бояре Морозовы, и сам батюшка-царь Алексей Михайлович. В XVII веке озеро перешло в ведение Чухломской ратуши, которая отдавала право на рыбную ловлю «чухломским посадским людям за 143 рубля в год». Однако уже в следующем столетии доходный водоем по указу царя Павла I передается Авраамиеву монастырю, который владел им вплоть до 1917 года. В районном краеведческом музее есть карта селений, арендовавших у монахов рыбную ловлю, а также и приведены размеры платы за нее в разные годы: к примеру, в 1825 году это составляло «деньгами — 506 рублей, жнецами — 166 человек, рыбой — 10 пудов». Карта пестрит названиями — все деревни вокруг озера были в зависимости у монастыря.

Лишь после Октябрьской революции уникальное озеро, так же как и все окружающие его земли стали всенародным достоянием. Долгие годы славилось оно нескудеющими запасами: успешно промышлял золотого карася рыбоколхоз, довольными оставались и рыболовы-любители. Но вот в последнее время случилось что-то неладное с озером, исчезать стал карась. Слышал я не раз, как жаловались знатоки: «зарастает водоем», и сокрушенно разводили руками — ничего, дескать, не поделаешь.

С думой об этом поднимался я неторопливо по улице. Пожилая худощавая женщина с ведром, зачерпнув из кадки воды, оглядела меня с любопытством. Я поздоровался.

— Отдыхающий? — поинтересовалась она с выражением доброжелательности на лице.

— Не совсем, — улыбнулся я. — В командировку приехал...

— На озеро ходили смотреть? Понравилось, поди. Красивое у нас озеро, правда?.. А вот карась пропал...

— Говорят, зарастает озеро.

— Это верно, болтают. А я не верю, — женщина говорила напевно и так тихо, словно сообщала мне великую тайну или боялась кого-то разбудить. — Боле сорока лет здесь живу, и всегда оно было такое. Просто берегли его раньше, ой, как берегли! Каждый рыболов своим делом почитал, без всяких указаний: раз я тут ловлю, значит, и водоем оберегаю. Мелкого карася — «ладонника», — она отмерила на морщинистой ладони сантиметров пятнадцать, — никто не брал ни в жизнь, если попадался в сеть, выпускали не глядя, иди гуляй! А тут не знаю, что такое пошло, рыбакам будто и дела ни до чего не стало, на уме одно винопитие. Бензину из моторных лодок сколько выпустили, в такое-то озеро!.. — Она скорбно покачала головой и так же тихо, открывая еще одну затаенную мысль, продолжала: — Раньше, говорят, дураки были, неграмотные, а теперь мол, все образованные, умные. Дак если бы с этим-то умом, с образованностью этой к делу по-настоящему подойти, золотое-то озеро наше еще бы богаче да краше прежнего

стало. Не нам нужно, мы свою жизнь прожили, а тем, кто после нас будет жить...

Сказать по правде, случайный этот разговор несколько нарушил идиллический строй моих мыслей. Простившись с приятной собеседницей, я невольно задумался. Нынче днем, до дождя еще, была у меня поездка «по местам литературным». Километрах в двадцати от Чухломы за увалами, лесами и перелесками затерялась деревня Колотилово. Истинно затерялась. Минут двадцать мы колесили поблизости, пока разглядели ее сквозь туманную мглу. Первым увидел деревню шофер.

— Да вон же! — воскликнул он обрадованно и, словно прищипленного коня, направил машину к живописному холму, на пологой вершине которого издали не видно было ничего, кроме вековых деревьев.

Вскоре показалась бревенчатая банька, заброшенный дом-пятистенок, заглохший сад, каменные колонны бывшей помещицкой усадьбы...

Мне давно уже хотелось побывать в этих местах. Здесь жил когда-то известный русский поэт, драматург, критик, близкий друг Пушкина Павел Александрович Катенин. После окончания Отечественной войны 1812 года, во время которой Катенин показал себя храбрым офицером, он принял активное участие в деятельности ранних декабристских союзов, в частности в Союзе спасения. Творчество его было очень популярно среди демократически настроенной молодежи, а стихотворение, начинавшееся словами: «Отечество наше страдает под игом твоим, о злодей!» — стало революционным гимном декабристов. Крамольный поэт был уволен в отставку и сослан на родину в Чухломский уезд. Здесь прошли и последние пятнадцать лет его жизни. На памятнике Катенину долго сохранялась эпитафия, сочиненная им самим: «Павел сын Александров, из рода Катениных. Честно отжил свой век, служил обществу верой и правдой, в Кульме бился насмерть, но судьба его пощадила. Зла не творил никому, и менее добра, чем хотелось»...

Старый дом хмуро смотрел на нас пустыми, наполовину заколоченными окнами. Рискаю провалиться, мы поднялись по сломанным ступеням высокого крыльца, толкнули перекошенную дверь. Внутри гулял ветер, валялись куски штукатурки, под ногами громко хрустело битое стекло. Но, несмотря на весь этот хаос, дом не производил впечатления безнадежного инвалида. Толстые каменные стены, почти не тронутые временем полы, на диво прочные ступени лестники, ведущей на чердак, — все это как бы говорило о том, что старик еще крепок и смело лет сто протянет, ежели его хорошенько подлечить.

В усадьбе несколько комнат, они полукружьем расположены вправо и влево от входа, а также есть просторный зал с купольным потолком и с высокими сводчатыми окнами, обращенными к старинному парку...

При виде этого бывшего великолепия невольно думалось о том, как мало приносило оно радости и удовлетворения своему владельцу. Навещая ближние деревни, внимательно присматриваясь к тяжелой жизни крестьян, Катенин испытывал горькие чувства. «Чем далее живу в отдаленной нашей стороне, тем сильнее удостаиваясь, что здесь-то именно труд и есть...— писал он другу своему Бахтину.— Сельская тишина, мир полей — пустые, бессмысленные слова столличных богатых жителей, не имеющих никакого понятия о том, как трудно хлеб сеять, платить подати, ставить рекрут и как-нибудь жить». А в другом письме сообщал ему горестно: «Вы у меня просите тысячу рублей, когда у меня десяти нет, и занять здесь ни у кого нельзя. Весь уезд умирает с голоду, овес так приели, что нечем будет яровую сеять, а местами мужики кормятся дурандой. Я после этого гол как сокол, и в долгу, как в шелку».

Сочувствуя бедственному положению крестьян, Павел Александрович в силу своих возможностей помогал им, хотя материальное положение его было весьма шатким. Вот что писал он по этому поводу артистке А. М. Колосовой: «Крестьяне здешние с голоду мрут; кормлю их чем и как могу, но мне не на что овса купить для посева и доходов никаких нет».

Единственным утешением опального поэта были книги да переписка с друзьями, в частности с Пушкиным и Грибоедовым. Именно Катенину в кологривскую глушь посылал А. С. Грибоедов на отзыв рукопись только что законченной комедии «Горе от ума»; именно ему признавался в письме А. С. Пушкин: «Покамест, кроме тебя, нет у нас критика. Многие (в том числе и я) много тебе обязаны, ты отучил меня от односторонности в литературных мнениях»...

Я переходил из комнаты в комнату, пытаюсь представить, как выглядели они тогда, которая из них служила ему рабочим кабинетом, где хранились письма друзей.

Подумалось вдруг и о том, что здесь не однажды бывал сосед Катенина, Алексей Феофилактович Писемский — деревня его Раменье находилась совсем рядом, всего в нескольких верстах. Писемский навещал именитого поэта еще будучи студентом, приезжая домой на каникулы. Гуляя по этому парку, они вели оживленные беседы о литературе, которые не могли не отразиться на творчестве будущего прозаика. Прошло немного времени, и Писемский смело заявил о себе как писатель гоголевской реалистической школы. Произошло это в глухую пору «мрачного семилетия», когда русская литература испытывала невиданный напор реакции. Наибольшую известность принесли ему «Очерки из крестьянского быта», повесть «Боярщина», роман «Тысяча душ», поставленный Писаревым «выше всех произведений нашей новейшей литературы». Талантом Писемского восхищались Островский и Чехов; Чернышевский назвал его

роль в литературе «блистательной»; драма «Горькая судьбина» наряду с «Грозой» Островского была удостоена Большой Уваровской премии Академии Наук.

Я знал и любил эти произведения с юношеских лет, и теперь мысленно представлял их героев живыми обитателями Колотилова, Раменья и других ближних деревень, потому что все они — и плотник Петруха, и хитрый подрядчик Пузич, и оброчный крестьянин Ананий Яковлев — написаны были именно с натуры. Я как бы слышал даже их своеобразную речь, по поводу которой Алексей Феофилактович не без юмора написал: «Представьте себе московское наречие несколько на а и усильте его до невероятной степени, так что, говоря на нем, надобно, как и для английского языка делать гримасу».

«Видел» я и самого хозяина этой усадьбы, которого Писемский запечатлел под именем Коптина в автобиографическом романе «Люди сороковых годов»...

Не из праздного интереса стремился я сюда, к забытой людьми деревушке, не любопытства ради ходил здесь из комнаты в комнату, пугая ласточек, свивших себе гнезда среди мусора и обломков кирпичей. Поведал мне как-то об этих местах начальник областного управления культуры Федор Михайлович Нечушкин.

«Не осталось следа от дома Писемского, а в последние годы и усадьба Катенина стала разрушаться. К сожалению, мы не можем ничего сделать — финансовые возможности управления культуры невелики, — говорил невесело Федор Михайлович. И вдруг оживился: — Вот если бы Союз писателей проявил к этому интерес, тогда другое дело. Прекрасный Дом творчества можно было бы в Колотилове создать... Небольшой мемориальный музей двух русских писателей и дом творчества! Сама усадьба как будто специально для этого создана — расположение комнат удобное на редкость. А какие места вокруг! И для творчества и для отдыха — лучше не найдешь».

Секретарь Чухломского райкома партии Тамара Леонидовна Афанасова по этому поводу говорила:

«Привести в порядок старый дом — дело не столь сложное. Но ведь сразу же и новую дорогу придется прокладывать, а это, сами понимаете... Да ведь, признаться, и незачем: деревни-то, по существу, уже нет. За последние годы многие подобные деревушки прекратили свое существование. Жители переезжают в крупные села, причем без всяких уговоров, с удовольствием. Колхоз строит дома, и люди по желанию или покупают их в рассрочку, или вселяются за небольшую квартирную плату. Из двух десятков населенных пунктов к будущему году здесь останется только четыре: Белово, Засухино, Рыстаново и Сенная. Они растут, благоустраиваются, колхоз построил новую механизированную ферму, открыл подсобное производство, сдает на днях Дом бытового обслуживания, собирается расширять детсад... А вот на другое пока еще, как говорят, пороку не хватает».

Пора было возвращаться. Мы вышли из дома. Задумчиво шумел старый парк, в котором, по рассказам, собраны были редкостные породы деревьев; словно притаился среди высокой травы заросший пруд — вода в нем казалась непроницаемо черной, лишь в одном месте, у камышей, осколочком неба сияла голубизна.

— Золотой карась тут всегда водился, — негромко промолвил шофер. — Как в Чухломском озере. А охота в этих местах, лучше не найдешь: и боровая дичь, и медведи, и зайцы...

С вершины холма открывался чудесный вид, вся окрестность была как на ладони — поля, леса, дальние деревушки; пропитанный запахами спелой земляники и меда воздух кружил голову. Хотелось дышать и дышать этим удивительным ароматом, смотреть и смотреть в эту прозрачную даль.

На обратном пути мы вновь заговорили о дорожном строительстве и вообще о перспективах развития района. Едва ли не самым большим событием последнего времени для здешних жителей явилась прокладка новой асфальтированной магистрали Чухлома — Галич. Это — решение многих проблем: снимаются главные трудности с доставкой различных товаров, минеральных удобрений, запчастей и, что особенно важно, строительных материалов. После того как было принято постановление партии и правительства о дальнейшем развитии Нечерноземья, в районе много строят. Сданы в эксплуатацию два предприятия пищевой промышленности, в ближайшее время будут возведены новые здания поликлиники, средней школы, универсама, намечены большие планы по расширению жилого фонда и благоустройству.

Все это, конечно, радует жителей района. Однако нельзя забывать и о дне вчерашнем, особенно же о том, что составляет гордость района и до чего порой «руки не доходят».

Был у меня в связи в этом довольно любопытный разговор с председателем колхоза «Путь Ленина» Николаем Ивановичем Широковым — того самого колхоза, на территории которого Колотилово расположено. Рассказав вкратце о хозяйстве — а оно у него довольно крепкое, — Николай Иванович повел речь о закреплении кадров.

— Нам-то, конечно, жаловаться грех. Народу у нас хватает, и молодежь есть. Трактористы, комбайнеры, шоферы почти сплошь молодые парни. Женского пола, правда, пока маловато. Может, рождалось девчонок поменьше, или еще что, не знаю... Да ничего, как-нибудь и это дело поправится. Сейчас вот готовим кадры для Дома быта — шесть девушек; детский сад собираемся расширять, новый клуб будем строить, столовую, везде понадобятся специалисты-девчата... Посложнее, конечно, с животноводческими кадрами. В нашем-то колхозе еще ничего, обходимся, а кое-где плохо.

Николай Иванович потер лоб, что-то соображая, произнес задумчиво:

— Жаль, конечно, что не все девушки, которые из школы на фермы идут, закрепляются потом в животноводстве. Большая часть поработает годок-другой, и до свидания — уходят учиться или еще куда... Однако, скажу, и это хорошо. — Широков стукнул себя кулаком по коленке. — Год, проведенный в рабочем коллективе, это, брат ты мой, отличная школа трудовой закалки. А ведь для нас не только важно, кем станет молодой человек, а и каким он станет. Может быть, второе даже важнее...

Ухватившись за эту мысль, Николай Иванович загорелся, стал развивать ее оживленно и горячо. Он рассуждал о том, что в важнейшем деле нравственного воспитания молодежи допускается немало просчетов. Хорошие, правильные слова о гражданском долге и любви к родной земле хотя и производят некоторое впечатление на ребят, но зачастую ненадолго, не оставляя глубокого следа в их сердцах. По мнению Николая Ивановича, воспитательную работу надо вести как-то тоньше, умнее, а главное, конкретнее, чтобы молодежь, к примеру, все знала о родном крае: и об озере со всей его любопытной историей, и о Катенине с Писемским, и о земляках — героях войны, и о дне сегодняшнем, знала и гордилась. В этом вся соль, уверял он, ибо пока растет человек, никто не знает, что из него выйдет потом, за какой участок деятельности придется ему отвечать. Один пойдет работать в колхоз, другой в школу, третий в лесничество или в рыбнадзор, а четвертый, может, станет крупным государственным деятелем — министром или еще кем... И от каждого многое будет зависеть, только от одного поменьше, от другого побольше, поэтому крайне важно, чтобы каждый ответственным себя чувствовал — за свое дело, за родную землю, за людей, с которыми вместе работает, за все...

* * *

Вот о чем вспомнилось мне во время прогулки по ночному городу. Я уже хотел идти спать, как вдруг услышал звон гитары. К нему присоединились три или четыре голоса, потом еще.. и молодежная песня, бесцеремонно разметав дремотную тишину, полетела над крышами домов. Несколько мгновений я стоял пораженный, и лишь потом сообразил, в чем дело: в тот вечер во всех средних школах района проходили выпускные балы.

Вскоре я увидел и самих «хористов» — нарядные девушки и ребята двигались, занимая всю ширину улицы, и было в этом традиционном шествии что-то романтично-грустное и отрешенно-счастливое. Они прощались сегодня с детством, чтобы завтра вступить в новую жизнь. Я знал, что многие выпускники останутся работать в родном районе,

поедут в колхозы и совхозы, чтобы вместе со взрослыми решать нелегкую задачу обновления Нечерноземья.

Впереди их ждали большие дела и заботы. А пока они шли веселые и беспечные, и юная песня неслась над древней Чухломой.

НАЧАЛО ДНЯ

Этот день начался так же, как начинался не одну тысячу раз. Едва лишь зарозовела угловая башня древнего монастыря и золотом вспыхнули верхние окна домов, над сонной тишиной улиц взметнулся детский гомон и смех. Мимо торговых рядов и районного Дома культуры, из тихих улочек и переулков выкатывались на площадь веселые ватажки ребят. По случаю субботы взрослых в столь ранний час почти не было видно, и юные жители Макарьева радостно господствовали в просыпающемся городке. За мостом улица вела вверх, к берегу Унжи, откуда открывался великолепный вид на заречные дали; ребячьи голоса словно бы рвались навстречу этому простору и замирали у школьных дверей.

А рядом дремал седой монастырь: белая башня на косогоре, часть полуразрушенной стены, главы обветшалой церкви в строительных лесах... Школьники пробегали мимо, им не было никакого дела до примелькавшихся руин.

Михаил Яковлевич Крупышев, остановившись возле сводчатой калитки, провожал ребят добрым задумчивым взглядом: именно в эти мгновения как-то по-особому явственно ощущал он возраст города, романтическую даль минувших веков.

Крупышев — местный старожил и служитель краеведческого музея, размещенного здесь же, в здании бывшей Никольской церкви. Столько раз приходилось ему по долгу службы рассказывать о Макарьеве, так часто прикасался он к архивным документам и предметам старины, что временами казалось Михаилу Яковлевичу, будто лично сам он был свидетелем тех давних событий.

Правда, некоторые подробности возникновения Макарьева, так же как и причины шумной его славы, в разных источниках излагались неодинаково. Иные авторы все заслуги без обиняков отдавали монастырской обители и «чудесам», исходившим от преподобного старца Макария. В связи с этим один из дореволюционных исследователей, В. В. Беляев, счел необходимым напомнить, что история Макарьева, как и любого другого русского города, от самых первых дней теснейшим образом связана с судьбою России.

«Хотя по описанию жития св. Макария на месте нынешнего города были глухие леса, но вокруг этого «глухого места» кипела жизнь: в двадцати верстах был крупный город Унжа, в ста двадцати — Галич, в ста тридцати — Судиславль, в семидесяти пяти — Юрьевец,

в двухстах — Кологрив и т. д. Все удобства по тогдашнему времени благоприятствовали торговле. Под боком протекала река Унжа, по которой из верховьев легко было попасть в реки Юг, Северную Двину и Большой Архангельск. И так как главный Сибирский тракт проходил через город Унжу на Галич, то ясно, что все товары, привозимые из Сибири в Новгород, были доступны перекупке здесь. Отсюда унжаки на своих лодках могли свободно возить их через Волгу, Оку, Клязьму — в Москву. Это способствовало не только развитию торговли, но и распространению славы о чудесах преподобного Макария. А увеличение и громадное стечение богомольцев у гроба преподобного породили зародыш ярмарок»...

Благодаря удобному расположению макарьевская обитель быстро превращалась в торговый центр. Население вокруг монастыря росло, в связи с чем явилась необходимость в отдельном приходе с «белым духовенством». Монах имел право выполнять только пять таинств церкви: крещение, миропомазание, покаяние, причащение и елеосвящение, таинство же брака он совершить не мог, а между тем именно в этом обряде и оказалась главная нужда — у жителей подмонастырской слободы подрастали женихи и невесты.

Год за годом ширилась слобода; появилось в ней много постоянных дворов и лавок, где продавали провизию и другие товары; монотонные молитвенные напевы все чаще перебивались веселыми всплесками свадебных обрядовых песен.

Монастырь между тем скупал земли, богател. Доходы его складывались из оброка с крестьян, а также молебных, свечных, выводных (за девиц, выдаваемых замуж в другие вотчины), перевозных (за переправу через Унжу), медвяного оброка (за сбор меда в окрестных лесах), кортошных (за рыбную ловлю), полесных, грибных... И, конечно же, весьма солидную статью прибылей составляли «лавочные». Как явствует из старых бумаг, во время ярмарок монастырь сдавал для торга двести шестьдесят семь лавок, пятнадцать шалашей, восемь изб и два чулана.

Народу в эти дни съезжалось видимо-невидимо, а всех товаров, которые привозились отовсюду, и перечислить нельзя. С низовьев Волги торговые люди поставляли всевозможные фрукты и арбузы, парчовые ткани и кожи, иголки и топоры. Здесь же они могли купить шкуры медведя, волка, лисицы, оленя, выхухоля, зайца, белки, куницы, выдры, а также самые различные деревянные изделия — «все, что можно сделать из вяза, ветлы, березы и другого в изобилии растущего леса».

Сначала пошлина от торговли целиком шла монастырю. Однако торг, все более расширяясь, постепенно превратился в большую всероссийскую ярмарку, и правительство в 1626 году заявило права на половину доходов. Популярность ежегодных торжищ росла как на дрожжах.

Будь Михаил Яковлевич художником, во всех деталях изобразил бы он шумную и веселую, уставленную пестрыми палатками, заваленную всевозможным товаром городскую торговую площадь. Лавки выстраивались в тринадцать рядов. Первые пять не имели названий, затем шли: щепной, конюшенный, мыльный, серебряный, железный и т. д. Сюда стекались купцы из Москвы и Нижнего Новгорода, Костромы и Ярославля, Юрьевца и Кинешмы. Бывали торговые гости и из других стран, к примеру, из Англии привозили табак.

А с XX века в Макарьеве стали совершаться крупные лесные сделки — так зародилась вторая ежегодная макарьевская ярмарка, которую нарекли «плотовой». Каждое лето съезжались сюда российские лесопромышленники для заключения торговых договоров. По данным местного казначейства, за год продавалось леса на несколько миллионов рублей...

И опять слышатся Михаилу Яковлевичу азартные возгласы торговцев, веселые выкрики балаганных зазывал, мелодичные переливы шарманок, шальной гомон затопившей всю площадь ярмарочной толпы.

Его окликает кто-то из знакомых мальчишек, и Крупышев невольно встряхивает головой, возвращаясь в сегодняшний день.

Вообще-то он не обязан, конечно, приходить на службу в столь ранний час, просто хочется иногда до появления экскурсантов побыть одному, сделать дополнения к какой-либо экспозиции, посидеть над папкой архивных бумаг. А в это утро к тому же и неурочный посетитель пришел — накануне договорился я с ним о встрече.

— Вот стою, люблюсь, — сказал, поздоровавшись со мной, Крупышев. — Что ни год, молодеет!

Глаза его улыбались — то ли детскому многолюдью радовался, то ли хотел обратить мое внимание на перемены в облике города.

Михаил Яковлевич высок ростом, но не худ, держится прямо и всей своей внешностью и манерами как бы олицетворяет старого русского интеллигента.

— Ну что ж, пошли? — промолвил он после паузы. — Обратимся, так сказать, к прошлому, — и толкнул тяжелую калитку.

Краеведческий музей в Макарьеве создан недавно, о чем свидетельствует некоторая «необжитость» его, тем не менее собранные здесь экспонаты дают довольно полное представление об интересной и своеобразной истории края.

Надо полагать, что макарьевские ярмарки приобрели такой размах не только благодаря удобному расположению города — в немалой степени их популярности способствовали развитые в этих местах промыслы. Чего только не производили здешние кустари: токарные изделия из дерева, фасонную стеклопосуду, женские украшения... При этом каждая деревня специализировалась на чем-нибудь

одном: искусством обработки шерсти и рукоделием славилась Ковернинская волость, сани поставляло Михаленино, бондарные изделия — Унженская волость, центром тканей узоров считались Боярская и Ловыгинская волости, ложкарного производства — Заборье. Но наибольшую славу, пожалуй, снискали себе макарьевские катали, в их валенках зимою щеголяли и волжане, и уральцы, и сибиряки. Отхожим промыслом — «жгонкой» занималось почти все трудоспособное мужское население окрестных сел и деревень...

Рассказывая обо всем этом, Михаил Яковлевич неторопливо ведет меня по музею, оживленный, предупредительный, готовый дать любое пояснение или ответить на вопрос. Меня привлекает в Крупышеве не столько его эрудиция, сколько горячая увлеченность и сознание личной причастности к истории родной земли.

Остановился я, к примеру, возле искусно исполненной деревянной модели плота. Михаил Яковлевич тихо кашлянул и заговорил таким тоном, словно речь шла о его собственном изделии:

— Да, вот такие штуки сплавляли мы вниз по Волге. Сойма, управляемый большегрузный плот. В каждом семь с половиной тысяч кубометров леса. Подходяще, верно? — Он засмеялся. — Команда плота во главе с лоцманом состояла из тридцати человек. Устанавливалась избушка для сплавщиков, лоцманская вышка, очаг для приготовления пищи.

Крупышев в деталях описал устройство соймы, где, какие подвешивались грузы-лоты и устанавливались рули-реи, а в заключение добавил:

— Мне ведь и самому довелось плавать на таких плотах. С отцом ходили до Нижнего Новгорода...

— Говорят, это было довольно прибыльным делом? — полюбопытствовал я.

— Да как сказать... — словно бы сконфузился Михаил Яковлевич. — Если удачно складывалось, то, верно, с хорошими деньгами возвращались, а в другой раз так и вовсе ни с чем придешь. Застрянешь на неделю где-нибудь на перекате, да с десяток бревен потеряешь, вот и без заработка. Учет, доложу вам, был наистрожайший. Как ни велик плот, а все равно — за каждое упущенное бревнышко плати штраф...

Впрочем, витая в прошлом, Михаил Яковлевич отнюдь не забывал о настоящем, все время, как бы между прочим, делал любопытные сопоставления. Теперь он почти без всякого перехода стал рассказывать об Унженской сплавной конторе и Понизовском леспромхозе.

— Это самые крупные наши промышленные предприятия. Вал — около десяти миллионов рублей! — В голосе Михаила Яковлевича звучала гордость. — Если раньше мы занимались в основном заготовкой древесины, то теперь все более берем курс на переработку. Уже действует двенадцать цехов, которые выпускают различные

пиломатериалы, сборно-щитовой паркет, сувениры. Все это солидно, с размахом. Представьте себе хотя бы... — Крупышев развел руками, видимо, желая изобразить что-то масштабное, но вдруг замолчал, улыбнулся добродушно: — Нет, ничего не надо представлять, гораздо лучше увидеть все это своими глазами.

Признаться, мне подумалось, что старый служитель музея немного идеализировал: цех деревообработки не бог весть какое предприятие. Лишь позднее осознал я подлинную причину его гордости.

Показать мне макарьевские новостройки вызвался бывший секретарь райкома партии, тоже местный старожил, Александр Михайлович Пономарев. Сначала мы проехали по старым улицам Макарьева с добротными каменными домами и бывшими лавками, при виде которых невольно вспоминалась одна архивная запись: «Класс торговопромышленников составлял здесь более четырех пятых всего городского населения, чему мы не видим примера ни в одном уездном городе». Время от времени Александр Михайлович, показывая на то или иное здание, пояснял:

— Бывшая этапная тюрьма, здесь по пути в Сибирь останавливались декабристы... Больница. У нее примечательная история: строился на этом месте железнодорожный вокзал, но унженские пароходчики дали кому-то крупную взятку, и железная дорога миновала наш город, прошла стороной...

Чем дальше от центра, тем реже встречались двухэтажные кирпичные строения, а потом и вовсе пошли одни деревянные домишки с заборами и лавочками у ворот. И вдруг картина резко изменилась: на самой окраине города в обе стороны раскинулась обширная строительная площадка, выше леса поднялись промышленные корпуса, котельные; шум и грохот тяжелых атомашин и бетономешалок заглушил все звуки. Рядом сооружались два завода: домостроительный и деревообработки. И тот и другой уже выпускали изделия. Продукция цеха щитового паркета, например, отправлялась во многие города страны, в том числе в Москву и Ленинград. За год по плану надлежало отгрузить более ста тысяч квадратных метров, или, как здесь говорят, «квадратов», а проектная мощность — двести. Двести тысяч квадратов. Домостроительный завод только приступал к работе. Он будет ежегодно поставлять селам Нечерноземья пятьсот двухквартирных домов со всеми удобствами. «Сдавать под ключ», — как уточнил главный инженер предприятия В. А. Зиновьев.

Переходя от цеха к цеху, с каким-то радостным удивлением прислушиваясь к шуму станков и автоматических линий, уступая дорогу деловито снующим автопогрузчикам, Пономарев оживленно комментировал:

— Давно ли первую партию продукции выпустили, волновались, всякие сомнения высказывали, а теперь только успевай отгружать, заявки идут со всех сторон. И заметьте, ни одной рекламации!

Мы постояли у конвейерной линии, наблюдая, как из шершавых, необструганных досок и досочек собираются квадраты гладкого и чистого паркета, полюбовались работой новеньких автоматических станков, а потом Александр Михайлович предложил заглянуть в помещение цеха сувенирных изделий. Собственно, цех еще только строился, хотя и он уже выпускал продукцию. Несколько юных художниц, временно приютившихся в небольшой, заставленной полуфабрикатами и красками комнатке, расписывали «рыбачьи наборы». Веселый оранжево-золотистый узор с неуловимой быстротой ложился на покрытые черным лаком деревянные чашки, стаканчики, ложки; готовые изделия в беспорядке громоздились на полках, на подоконнике, на столе, отчего тесное помещение похоже было на склад игрушек. Крепко пахло растворителем, свежераспиленным деревом и клеем. Невольно подумалось, что художницы, наверное, ждут не дождутся дня, когда в их распоряжение наконец-то будет предоставлена просторная и светлая, отлично оборудованная мастерская. С какой радостью они перейдут в нее со своими кистями и красками, с каким настроением сядут за удобные, широкие столы! И это хорошее настроение, конечно же, отразится в их веселых узорах, и люди станут радостно узнавать: «Макарьевские!»

Я улыбнулся своим мыслям, а Пономарев, словно угадав их, пообещал весело:

— Погодите, эти девчата еще себя покажут!

Потом мы снова ходили по строительной площадке, Александр Михайлович показывал то сушильную камеру, то внушительное здание котельной, тут и там вступал в разговоры с людьми и радостно повторял:

— Вот он, сегодняшний и завтрашний день нашего Макарьева! Современная, нужная продукция, растущий рабочий класс...

О «рабочем классе» Александр Михайлович говорил с особой радостью, явно гордясь тем, что население Макарьева растет, и у меня невольно вырвался вопрос насчет трудовых ресурсов деревни:

— Наверное, теперь в ближних от райцентра хозяйствах молодежь и вовсе не удержишь?

Однако Александр Михайлович не разделял моих опасений.

— Ну почему же, выпускники школ, особенно ребята, с желанием остаются работать в своих колхозах и совхозах. Трактористами, шоферами... Тут никаких проблем. Этому в немалой степени способствуют и добрые традиции нашего профтехучилища. Выпускники его всегда дорожили честью своего пэту... Кстати,— предложил Пономарев,— мы могли бы сейчас туда завернуть, это рядом.

О существовании Макарьевского ремесленного училища люди моего поколения узнали летом 1944 года, когда совершил свой бессмертный подвиг бывший его воспитаниник комсомолец Юрий Смирнов. Фронтовые газеты писали, как был замучен фашистами

и распят на кресте раненый юноша-солдат, отказавшийся выдать военную тайну. Имя героя присвоили танковой колонне, которая была построена на средства, собранные комсомольцами и молодежью Костромской области; позднее именем его названы были улицы, школы, пионерские дружины. Училище, которое окончил Юрий Смирнов перед уходом в армию, также получило его имя...

Внушительное здание из красного кирпича скоро показалось за деревьями. Время было неурочное, вокруг стояла тишина. Секретарь училища Валентина Александровна Симагина открыла нам дверь, проводила в помещение. Говорила она негромко и мало, лишь кратко отвечая на наши вопросы, и меня вдруг охватило волнение. В комнате-музее, посвященной памяти Юрия Васильевича Смирнова, хранятся его гоговальня, фронтовые письма родным, фотокопии комсомольского билета, первой страницы красноармейской газеты с фотографией и Указом о присвоении посмертно звания Героя Советского Союза, акта, составленного советскими воинами, которые обнаружили труп Юрия Смирнова в фашистском блиндаже, фотографии самого блиндажа и могилы в деревне Шалашино Витебской области... Проходят годы, сменяются поколения, а память о героическом подвиге комсомольца продолжает жить в этих скромных вещах и трагических документах как свидетельство неизмеримого величия человеческого духа.

Соседняя комната музея рассказывает о других выпускниках, которыми гордится коллектив училища, его сегодняшние питомцы. В двадцатых годах учился здесь Дмитрий Федорович Устинов, ныне министр обороны СССР. Был он секретарем комсомольской ячейки училища, активное участие принимал в работе Макарьевского укома комсомола. Многие выпускники — Анатолий Иванович Максимов, Геннадий Васильевич Сабуров, Георгий Николаевич Боровков и другие — прославили себя ударной работой на колхозных полях района.

— На днях у нас состоялся очередной выпуск, — сказала Валентина Александровна, — группа тридцать человек. Уже разъехалась.

— Механизаторы широкого профиля! — с многозначительной интонацией добавил Пономарев. — Вот вам и ответ на вопрос. Но это, конечно, не все...

С особым удовольствием стал он рассказывать о том, что за последнее время колхозы и совхозы района довольно основательно пополнились кадрами молодых специалистов. Часть их пошла работать в бригады, на фермы, пятеро или шестеро стали во главе хозяйств.

Конечно, не у каждого все сразу получается, на первых порах бывают и срывы и неудачи, но есть задор, знания, чувство перспективы, а это главное. Ясно, приходится помогать. Так что

у райкома партии тут особый участок работы, требующий большого такта, чуткости, может быть, даже искусства.

С одним из «начинающих» — директором совхоза «Макарьевский» — Александр Михайлович посоветовал мне познакомиться...

* * *

Работали в колхозе имени XXI партсъезда на руководящих должностях три молодых человека: секретарь парторганизации Валерий Постников, главный агроном Виктор Овчинников, председатель колхоза Николай Ершов. И так они сошлись характерами, с таким азартом брались сообщать за всякое дело, что в районе стали их шутливо именовать «великолепной тройкой»... А в это время спешно засобирался на пенсию — по старости и по состоянию здоровья — директор совхоза «Макарьевский» Борис Иванович Панов. Стали искать замену, и... выбор пал на одного из той самой «тройки» — Виктора Овчинникова.

Они отличались друг от друга всем, начиная с большой разницы в возрасте (Виктор годился Панову во внуки), кончая характерами, манерой обращения с окружающими людьми. Бориса Ивановича считали руководителем опытным, но крайне суровым и жестким, вследствие чего отношения с рабочими у него не ладились. Новому же директору весьма свойственной оказалась излишняя мягкость, доверчивость, доброта. И трудно пока сказать, как у него с этой мягкостью и студенческими привычками дело пойдет...

Овчинникова я встретил возле конторы. Небольшого роста, в спортивной куртке с меховым воротником, в круглых очках, из-за толстых стекол которых открыто глядели внимательные глаза, он и в самом деле скорее походил на студента, нежели на руководителя солидного хозяйства.

Мы прошли к нему в кабинет — маленькую, не очень обжитую комнатенку, где все говорило о том, что хозяин тут не засиживается. Как бы подтверждая это мое предположение, Виктор не стал раздеваться, лишь расстегнул верхние пуговицы куртки да снял шапку, быстро поправил ладонью взлохмаченные волосы и, как говорится, «взял быка за рога»:

— Ну что ж, для начала самые общие данные о совхозе. Хозяйство молочного направления. Сто километров от железной дороги, сто восемьдесят — от Костромы, однако расположение неплохое — рядом райцентр. Пашни — 1450 гектаров, мелиорированных земель — 721 гектар. Много сенокосов — более тысячи гектаров. К сожалению, они зарастают, на большинстве участков приходится косить вручную. Нужны культуртехнические работы, но мелиораторы больше любят работать на пашне, это удобнее, легче и выгодней.

Виктор Иванович коротко вздохнул, снова провел ладонью по волосам и продолжал как по писаному:

— В хозяйстве 1314 голов крупного рогатого скота, коров 570, самое большое поголовье в районе. Однако надой невысокий, скот необходимо поправлять, при хорошем сбалансированном кормлении каждая корова даст не менее трех тысяч килограммов молока. У нас немного не по-научному подошли к росту поголовья: надо прибавлять по три процента к тому, что было, мы же давали прибавку по девять процентов — такая, говорят, команда была. А в обеспечении скота кормами сделали, между прочим, полшага назад — в прошлом году под засуху попали. Как бы там ни было — рост поголовья у нас опережает развитие кормовой базы...

Любопытно было слушать Овчинникова. Почти бесстрастным тоном, не заглядывая ни в какие бумажки, приводил он различные данные, сыпал числами и почти каждый показатель комментировал, за любой цифрой билась его живая критическая мысль. Он критиковал других и не щадил себя. Причем о своих затруднениях говорил с легкой усмешечкой, как бы не придавая им особой роли и все больше устремляясь мыслями в завтрашний день. Вот он посетовал на некоторые трудности с подбором кадров в животноводстве: «В лучших хозяйствах доярки в очередь ждут, кому работать, а у нас пока еще приходится умолять». И тут же говорил о том, что в совхозе запланировано сооружение откормочной площадки и современного коровника на триста голов, где предполагается соединить «все лучшие достижения в подобного рода строительстве».

— Это будет первый такой коровник в районе. Место выберем отличное... Строим, правда, «кровавым способом». — Виктор Иванович опять усмехнулся, пояснил: — Так у нас хозспособ величают, — но все сделаем как надо, — и добавил совсем уже радостно: — А работать на этой замечательной ферме будет молодежь!

В кабинет тихо вошла Лидия Николаевна Зайцева, секретарь партийной организации совхоза. Молча поздоровалась, села напротив. И как-то незаметно к разговору о молодой смене подключилась. Узнал я, что Виктор Иванович любит встречаться со школьниками, увлеченно рассказывает ребятам о своей работе, не утаивая ничего — ни радостей ее, ни больших, ни малых тревог. Ездили они в школу и вдвоем — директор и секретарь партбюро. Пригласили к себе в гости выпускниц — будущих доярок, чтобы посмотрели девушки, где им предстоит работать. Экскурсия прошла в общем хорошо, но под конец возникла небольшая заминка. Ознакомившись с фермой, поинтересовались девчата и насчет жилья. Виктор Иванович растерялся было, но Лидия Николаевна, как о деле давно решенном, сказала: «А вот мою квартиру под общежитие и отдадим...»

Они рассказывали об этом по-разному: Виктор Иванович был оживлен, вспоминал какие-то малозначительные подробности, глаза

его сияли; Лидия Николаевна же ограничивалась короткими репликами и время от времени сдержанно улыбалась. Она была старше директора, жизненно умудреннее, но ничем это не подчеркивала, лишь изредка мимолетной фразой уточняла какую-то мысль. И невольно подумалось: это очень хорошо, когда рядом с молодым руководителем старший товарищ.

Стали вспоминать о первых днях работы молодежного коллектива. Ферма была в общем-то неплохая, как говорится, не хуже и не лучше других, но кое-что доярочек сразу огорчило: не ладилось с навозоудалением, часто приходилось вручную разносить корма. И появилось у девушек мнение, или, как теперь говорят, возник «комплекс», что им ужасно не повезло, что эта ферма едва ли не самая плохая в районе. Всячески пытались их переубедить, даже на другие фермы возили — все бесполезно. По возвращении из поездки девчата опять заявили упрямо: «У нас хуже». Тут даже заведующая фермой Людмила Михайловна Хандина возмутилась: «Да чем хуже-то? Скажите толком! Я сколько лет дояркой здесь проработала, не жаловалась, так вы объясните мне». А они опять: «Не знаем. Хуже, и все».

Дошло тогда до Виктора Ивановича, что пытаться примирить девушек с плохими условиями труда (пусть даже лишь с отдельными недостатками) — дело неблагодарное и ненужное. Ведь хочется-то им, чтобы лучше, чем у других, было. Понял он и другое: сагитировать сегодняшних школьников пойти работать на ферму — дело вовсе не хитрое, и общежитие обставить со вкусом тоже не проблема, но главное-то не в этом. Если не будут созданы нормальные условия труда, ни холодильниками, ни полированной мебелью, никакими заклинаниями молодежь долго не удержишь.

— Чем же все кончилось? — полюбопытствовал я.

— Да пока, к сожалению, ничем, — огорченно вздохнул Виктор Иванович. — Ремонт нужен, а руки не доходят.

Лидия Николаевна чуть свела брови, сказала мягко и настойчиво:

— Хоть как, а летом надо делать. Нельзя дальше тянуть.

— Знаю, знаю... И ведь прекрасная ферма получится. Только вот...

Она не дала ему продолжать, повторила тем же тоном:

— Не должно быть у нас никаких «только». Надо — и все!

Потом были мы на ферме. Девушки окружили директора, забросали его разными вопросами, и, оказавшись в этом цветнике, он вовсе утратил начальственный вид: просто веселый и несколько стеснительный парень в очках. К удивлению моему, доярки ни на что особенно не жаловались, за исключением агрессивно настроенной Зои, которая запальчиво спросила, почему не отремонтирован водопровод. Виктор Иванович стал что-то объяснять, но Зоя перебила с упреком:

— А еще говорят, надо в белых халатах ходить.

— Это уж когда новую ферму построим...

Людя Малышева удивленно подняла черные брови:

— Зачем же так долго ждать? Разве здесь ничего нельзя сделать? Ведь обещали...

— Мы и на этой ферме рассчитываем пощеголять во всем чистом, — подхватила белокурая Валя Пьянкина.

Директор поклялся, что летом постарается выполнить обещание, и перевел разговор на общежитие. Тут загомонили все разом — стали жаловаться на парней: не дают отдыхать. «Придут, развалятся и до полночи их не вытуришь, а нам рано утром на дойку». Виктор Иванович прижал руки к груди.

— Да ведь не могу я каждый вечер в общежитии у вас дежурить и парней выгонять. Жена и так недовольна, что поздно домой прихожу... Может, с родителями этих ухажеров поговорить? Да будет ли толк...

Когда мы вышли на улицу, Виктор Иванович сказал сокрушенно:

— Вот должность, со всеми делами идут к директору. Крышу на сарае починить надо — помоги, директор; женщину в родильный дом отправить — вези, директор; в торговле с чем-то перебой — разберись, директор; парней из общежития выводить — опять иди, директор...

— Ну, с ухажерами-то, может, некоторое преувеличение, — усомнился я.

— Да нет, тут другое. Хулиганят некоторые, раза два стекла били. Не пойму, от безделья что ли? — Он задумался, потом со вздохом промолвил: — Спортивной площадки у нас нет — вот беда, ребятам в свободное время заняться нечем. — И снова загораясь, решительно: — Нынче летом возьмусь! Есть у нас за клубом подходящая территория, перепашем ее, засеем мятликом, разобьем футбольное поле, и пусть играют... Я бы и сам с удовольствием побегал с ребятами, как-никак на факультете капитаном команды был...

Он вдруг опять замолчал, о чем-то размышляя, после долгой паузы признался:

— В институте искусству руководить людьми, хозяйством учат недостаточно. Когда был агрономом, казалось, что все у меня получается, а стал директором и вижу: того не знаю, этого... Слабоват в финансово-экономических вопросах, в строительных делах и во многом другом. Вот и приходится доучиваться на ходу.

* * *

На следующий день мне надо было уезжать, и я специально встал пораньше, чтобы не спеша и без сопровождающих походить по безлюдным улицам Макарьева. Наверно, это может показаться немножко смешным, но всякий раз перед расставанием с каким-либо малознакомым городом мною овладевает беспокойство — будто я чего-то важного не успел увидеть и, по всей вероятности, больше не

увижу никогда. Теперь, охваченный точно таким же чувством, я бродил по городу, вглядываясь в очертания крепких двухэтажных домов и мысленно пытаюсь проникнуть в тайны их солидного возраста; долго стоял на недавно построенном широком мосту, с одной стороны от которого красовалось современными формами административное здание, а с другой темнел глубокий овраг, на склонах которого, наверное, резвились ребятишки не одного десятка поколений. Новое, молодое всюду переплелось со стариной.

Остроконечный шатер монастырской башни вдруг засветился, словно где-то включили фонарь, и вся башня стала медленно розоветь. А спустя минуту-другую в казавшиеся слепыми верхние окна домов плеснул такой яркий свет, что я невольно зажмурился. Из-за реки вставало солнце...

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Три стопки соли	5
Волгари	19
Загадка Чухломского озера	28
Начало дня	36

Виктор Константинович Хохлов

НАЧАЛО ДНЯ

Редактор Д. К. Иванов.

Технический редактор В. Н. Веселовская.

Сдано в набор 12.03.82. Подписано к печати 20.05.82. А 11608.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсет-
ная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,11. Тираж 100 000 экз.
Изд. № 1091. Заказ № 2189. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

ДЛЯ ВАС, КНИГОЛЮБЫ!

Во всех книжных магазинах и киосках продаются билеты Всероссийской книжной лотереи.

Вероятность выигрыша достаточно велика: из каждых 200 билетов — 69 выигрышных.

Стоимость билета 25 копеек, а сумма выигрыша заранее обозначена на внутренней стороне запечатанного билета: 50 копеек, 1, 3 и 5 рублей.

По выигрышному билету можно получить по своему выбору книгу или другие товары из наличного ассортимента любого книжного магазина или киоска на территории РСФСР.

Прочитанные книги вы можете продать книжным магазинам. Этим вы окажете добрую услугу другим книголюбам.

Желаем удачи!

**Росглавкнига.
Дирекция Всероссийской
книжной лотереи.**